

Информационно–аналитический журнал

с о в р е м е н н ы й
Иран

№39

декабрь 2014

Информационно-аналитический журнал
Иран

№ 39
декабрь 2014 г.

Свидетельство о регистрации ПИ 1 ФС77-41649
выдано Федеральной службой по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций
(Роскомнадзор) 12 августа 2010 г.

Редакционная коллегия

Раджаб Сафаров (Главный редактор)
Александр Проханов
Сергей Бабурин
Дмитрий Рюриков
Виталий Третьяков
Гейдар Джемаль
Максим Шевченко
Игорь Панкратенко (Шеф-редактор)

Адрес редакции

119049, Москва, Коровий вал, д. 7, стр. 1, оф. 6

В издании использованы фотоматериалы
ИТАР-ТАСС, РИА Новости, РИА Иран.ру

Содержание

Краткое содержание номера.....2	О возросшей роли Ирана в нынешнем раскладе сил на Ближнем Востоке <i>Владимир Алексеев</i>30
«Закулисье» визита Алексея Улюкаева в Тегеран <i>Игорь Панкратенко</i>6	Россия взяла курс на сближение с Ираном <i>Владимир Алексеев</i>35
Российско-турецкие соглашения меняют расстановку сил в Европе и на Ближнем Востоке <i>Александр Донецкий</i>10	Иранский лев <i>Александр Проханов</i>39
Разврат и пороки в семье Аль Саудов погубят страну <i>Владимир Алексеев</i>13	Новый раунд переговоров в Женеве: нюансы и авансы <i>Игорь Николаев</i>43
Вашингтон опять предлагает «наказать Россию», теперь из-за Ирана <i>Мария Безчастная</i>19	Что сказал и о чем промолчал об Иране Владимир Путин? <i>Игорь Николаев</i>47
Закавказье в планах США и НАТО — плацдарм против России и Ирана <i>Сергей Шакаряни</i>23	Провалы российской дипломатии на Ближнем Востоке <i>Владимир Алексеев</i>51
Иран не оставит Йемен на растерзание КСА и США <i>Владимир Ефимов</i>26	Иран-2014: Итоги и уроки уходящего года <i>Игорь Николаев</i>56

Краткое содержание номера

Очередной, 39-й номер журнала «Современный Иран» интересен, в первую очередь, тем, что в ряд вошедших в него материалов подводят итоги ирано-российских отношений уходящего 2014 года. Впрочем, лучше всего это, как ни странно, сделал человек, который не является сотрудником редакции, но мнение которого, без сомнений, важно и стране, и миру. Как вы, дорогие читатели, уже догадались, речь идет о выступлении Владимира Путина на итоговой пресс-конференции, где Президент России коснулся, в том числе, и иранской тематики.

«С Ираном у нас не складывается», — написал в социальной сети один из пользователей, внимательно слушавший выступление российского Президента Владимира Путина на ежегодной „большой“ пресс-конференции. Несколькими днями раньше оснований для пессимизма сторонникам российско-иранского сближения добавил министр нефти Ирана Бижан Зангане, опровергнувший, вопреки очевидным фактам, наличие „Большого нефтяного контракта“ между двумя странами. Отношения между Россией и Ираном зашли в тупик или же не все так драматично?», — так начинается центральный материал номера «Что сказал и о чем промолчал об Иране Владимир Путин?»

Тональность его выступления во многом определило событие, состоявшееся в конце ноября, когда глава российского Минэкономразвития Алексей Улюкаев посетил Тегеран. Время для визита было выбрано как нельзя более удачно: в Иране после провала переговоров в Вене по «ядерному досье» иллюзий о возможной нормализации отношений с США и ЕС, а следовательно — о скором приходе западного бизнеса в иранскую экономику, прибавилось. А вот значение совместных российско-иранских экономических проектов — наоборот, возросло. Подробности — в статье **«Закулисье» визита Алексея Улюкаева в Тегеран**. *«Дипломатическое и экономическое давление извне, в условиях которого действуют Тегеран и Москва, серьезные внутренние дискуссии о внешнеполитических ориентирах, идущие внутри политических элит в России и Иране, — все это влияет на темпы развития партнерских отношений между двумя нашими странами. „Проблемы диалога“ существуют и в Москве, и в Тегеране, и закрывать глаза на данное обстоятельство было бы наивно», — считает автор этого материала.*

«Россия взяла курс на сближение с Ираном», — говорится в одноименной статье. Но при этом подчеркивается следующее: *«В целом же из истории российско-иранских попыток сближения и расширения партнерских отношений за последние пять-семь лет можно извлечь два основных урока: „оглядка“ в двусторонних отношениях на Вашингтон и боязнь американского «неодобрения» оборачивается для РФ и Ирана финансовыми, репутационными и политическими издержками, которые тот же Вашингтон ни при каких обстоятельствах „в знак благодарности“ не компенсирует; в силу целого ряда причин партнерство в торгово-экономической сфере между Тегераном и Москвой возможно только под патронажем высшего руководства и государственной поддержки, как Российской Федерации, так и Исламской Республики».*

В определенной мере развитие двусторонних отношений зависит и от «третьих» стран, из которых одной из наиболее значимых и для Москвы, и для Тегерана является Турция. *«В связи с документами, подписанными по итогам визита В.Путина в Турцию, стоит обратить внимание еще на одно обстоятельство — переговоры между Москвой и Тегераном о поставках Ирану продовольствия и товаров промышленного производства, невзирая на санкции США»,* — говорится в материале **«Российско-турецкие соглашения меняют расстановку сил в Европе и на Ближнем Востоке».**

Вполне естественно, что подобные геополитические ходы вызывают бурную негативную реакцию Вашингтона. Представитель Госдепартамента США Дженнифер Псаки 2 декабря 2014 года пригрозила России очередными санкциями. На сей раз не в связи с ситуацией на Украине, а из-за предполагаемого соглашения между Россией и Ираном «нефть в обмен на товары». *«Мы знаем о переговорах между Россией и Ираном, которые касаются различных областей экономического сотрудничества. Если будут подозрения, что договоренности являются санкционными, мы будем действовать. Но пока мы не можем делать это абстрактно»,* — посетовала Джен Псаки на брифинге. Об этом — в материале **«Вашингтон опять предлагает наказать Россию, теперь из-за Ирана».**

Но не только санкциями намерены действовать США. Несмотря на вступление Армении в Евразийский экономический союз, дальнейшее сближение Азербайджана с Россией и смену руководства в Грузии, Соединенные Штаты и члены НАТО продолжают активно «обхаживать» Ереван, Баку и Тбилиси. Вашингтон и Брюссель не отказались от попыток создания в Закавказье плацдарма против России и Ирана. При этом, *«активизация Соединенных Штатов и Североатлантического блока в Закавказье ведется не только непосредственно Вашингтоном и Брюсселем, но также отдельными членами блока»,* — говорится в статье **«Закавказье в планах США и НАТО — плацдарм против России и Ирана».**

Но все эти усилия не дают столь желаемого Вашингтону победного результата. *«Из-за появления „Исламского государства“ Соединенные Штаты и Иран оказались связаны общими интересами. Были многочисленные сообщения об американо-иранском военном сотрудничестве против ИГ, в то время как главная проблема, разделяющая Вашингтон и Тегеран, — ядерная программа Ирана — была маргинализирована. Именно поэтому объявление об отсутствии соглашения по ИЯП и ее урегулировании сопровождалось спокойной реакцией США и Ирана. Ни Вашингтон, ни Тегеран не хотят напрягать сейчас свои отношения по ядерной проблеме, которая была отодвинута на периферию из-за наличия общей угрозы в лице „Исламского государства“»,* — считает автор материала **«О возросшей роли Ирана в нынешнем раскладе сил на Ближнем Востоке».**

Насколько справедливо данное утверждение — покажет время, а пока Тегеран продолжает наращивать свои миротворческие усилия в «горячих точках» Ближнего Востока, одной из которых, без всякого сомнения, является Йемен. Не смирившись с приходом к власти шиитских повстанцев-хуситов, которые хотят извлечь эту страну от коррупции и несправедливости распределения власти между различными конфессиями и племенами, а также пытаются прекратить зависимость своей страны от Саудовской Аравии и других реакционно-консервативных монархий Персидского залива и за-

силы США, Эр-Рияд и Вашингтон пытаются склонить чашу весов на свою сторону. В этой ситуации наглого и циничного американо-саудовского вмешательства во внутренние дела ЙР на помощь ему пришел Иран, который не может оставить братьев по вере на растерзание аравийским ваххабитам и их американским приспешникам, которые хотят от Йемена одного — завладеть его богатыми нефтегазовыми ресурсами. Подробности — в статье **«Иран не оставит Йемен на растерзание КСА и США»**.

Кстати, об Эр-Рияде. *«В последнее время Саудовская Аравия находится в центре внимания многочисленных экспертов по Ближнему Востоку, многие из которых, отмечая возросшую роль королевства в региональных делах после серии „цветных“ революций в арабском мире и последних шагов Эр-Рияда в интересах США по нефтяному демпингу на мировом рынке, тем не менее указывают на то, что одновременно эта богатейшая страна арабского мира находится накануне радикальных перемен и даже возможного исчезновения как государственное образование»*, — считает автор материала **«Разврат и пороки в семье Аль Саудов погубят страну»**. — *«Причем практически все аналитики сходятся во мнении о том, что правящая династия Аль Сауд, давно являющаяся тормозом на пути модернизации и реформирования страны, все больше деградирует, погружаясь во все смертные грехи и пороки и не воспринимая трезво происходящие внутри и вокруг КСА сложные политические процессы»*.

Все происходящее не заслоняет, разумеется главного — переговоров по иранской ядерной программе, очередной раунд которых состоялся 17–19 декабря 2014 года. О его ходе и связанных с ним дипломатических маневрах — в статье **«Новый раунд переговоров в Женеве: нюансы и авансы»**.

И еще об одном материале номера, который, без всякого сомнения, привлечет читателя. По той причине, что принадлежит мастеру пера и выдающемуся российскому писателю Александру Проханову. *«Почему Сергей Есенин, русский из русских, испытывал к Ирану таинственное влечение, утонченное обожание? К его лазури, изумрудам, к его гончарным дворцам и зеркальным мечетям, к его божественной женственности? Что заставило рязанского художника написать свои восхитительные персидские мотивы, несравненные персидские напевы? „В Хороссане есть такие двери, где осыпан розами порог“, „Шаганэ мы моя, Шаганэ“, „От того, что я с севера, что ли“, „Я спросил сегодня у менялы, что дает за полтумана по рублю“, «И сказала, что Саади целовал лишь только в грудь, подожди ты, Бога ради, обучусь когда-нибудь“*. Я читал эти восхитительные стихи в беломраморном склепе у надгробия Саади», — так интригующе начинается материал выдающегося российского прозаика под названием **«Иранский лев»**.

Иран живет по другому календарю, год в котором завершается в марте. Но не будем ломать устоявшейся российской традиции, по которой декабрь — месяц итогов и сверки результатов. Уходящий 2014 для Исламской республики был годом непростым, надежды и разочарования, конфликты и достижения сменялись как в калейдоскопе. Что было главным в водовороте событий и какие уроки преподал нам этот год, до конца которого осталось лишь несколько листков календаря? Некоторые ответы на эти непростые вопросы — в статье **«Иран-2014: Итоги и уроки уходящего года»**.

«2014 год был для Ирана откровенно непростым. По сути, нет ни одного вопроса в экономике, социальной сфере, внешней политике, о котором можно

было бы с уверенностью сказать, что «проблема решена». Но уникальной особенностью Исламской республики является ее способность в тяжелые времена мобилизоваться и в очередной, который уже раз опровергнуть прогнозы скептиков, найти решение для самых сложных проблем. Похоже, именно это, к радости сторонников российско-иранского сближения, и предстоит увидеть миру в наступающем 2015 году», — пишет автор. И редакция «Современного Ирана», 39-й номер которого вы сегодня читаете, разделяет эту надежду.

Игорь Панкратенко

«Закулисье» визита Алексея Улюкаева в Тегеран

В минувшие выходные, 29–30 ноября, глава российского Минэкономразвития Алексей Улюкаев посетил Тегеран. Время для визита было выбрано как нельзя более удачно: в Иране после провала переговоров в Вене по «ядерному досье» иллюзий о возможной нормализации отношений с США и ЕС, а следовательно — о скором приходе западного бизнеса в иранскую экономику, поубавилось. А вот значение совместных российско-иранских экономических проектов — наоборот, возросло.

Но перед тем как говорить о самом визите, носившем в первую очередь оценочный и зондажный характер, не предполагавший каких-либо серьезных итогов, нужно сказать об общем экономическом фоне отношений между Москвой и Тегераном.

Для начала напомним, что на своей ежегодной пресс-конференции в декабре прошлого года российский президент Владимир Путин заявил: «Иран — наш приоритетный партнер в регионе, это наш принципиальный выбор, и мы нацелены развивать отношения». Эти слова были с определенным энтузиазмом восприняты сторонниками сближения наших стран и в России, и в Иране. Но, как это зачастую и бывает, между словом и делом в политике всегда существует определенная дистанция, а в ирано-российских отношениях эта дистанция еще и с многочисленными барьерами.

Дипломатическое и экономическое давление извне, в условиях которого действуют Тегеран и Москва, серьезные внутренние дискуссии о внешнеполитических ориентирах, идущие внутри политических элит в России и Иране, — все это влияет на темпы развития партнерских отношений между двумя нашими странами. «Проблемы диалога» существуют и в Москве, и в Тегеране, и закрывать глаза на данное обстоятельство было бы наивно.

Так, часть иранских элит убеждена, что приоритетной задачей для Исламской Республики являются успешные переговоры с «западной частью» Группы 5+1 по ядерной проблематике. Поскольку это, по их мнению, позволит устранить кажущееся им основным препятствие в развитии иранской экономики — санкции. В рамках такого подхода эти элиты, имеющие серьезное влияние на администрацию нынешнего президента Хасана Рухани, полагают, что сближение Ирана с Россией, любые признаки которого вызывают достаточно нервную реакцию Вашингтона, может негативно повлиять на переговорный процесс.

Впрочем, списывать иранскую часть проблем в диалоге между нашими странами исключительно на деятельность «антироссийского лобби» в Тегеране было бы преувеличением, поскольку ряд шагов и российских властей, и российских корпораций за последние годы формировали в Иране представление о нашей стране как о партнере откровенно ненадежном. Не буду напоминать в этой связи историю с комплексами С-300, многократно уже описанную, поскольку и другие, менее известные вехи «вхождения» российских компаний на иранский рынок также оставили у иранцев достаточно горький осадок.

В ноябре 2009 года был подписан меморандум между «Газпромнефтью» и Иранской национальной нефтегазовой компанией о сотрудничестве на блоке Анаран. В августе 2011 года Иран разорвал меморандум из-за «безуспешности переговоров».

Не менее показательна и история с «Лукойлом», который сегодня сообщает о своих намерениях «возобновить работу с Ираном». С 2003 года «Лукойл» в консорциуме с норвежской Statoil проводил в Иране геологоразведочные работы на все том же, упомянутом выше блоке Анаран. В этом проекте российской компании принадлежало 25%. По итогам работ были открыты нефтяные месторождения Азар и Шангуле. Руководство компании обсуждало с властями Ирана возможность совместной разработки месторождений, но в 2007 году «Лукойл» вышел из этого проекта. Как сообщают в пресс-службе компании сегодня — «в связи с введением международных санкций». В действительности же санкции были не международными, а односторонними, введенными в отношении Ирана США и ЕС.

Это далеко не единичный случай своеобразной политико-климатической зависимости российских компаний от градуса американской иранофобии. А уж об отечественных банках, которые явочным порядком с конца 2012 года практически полностью присоединились к санкциям США в отношении иранской финансовой системы, — игнорируя при этом позицию Кремля в отношении односторонних санкций Запада, вдобавок ставя в трудное положение более сотни российских компаний, завязанных на торговые операции с Ираном, — и говорить не приходится. В целом же история российско-иранских попыток сближения и расширения партнерских отношений за последние пять-семь лет дает два основных урока:

Во-первых, «оглядка» в двусторонних отношениях на Вашингтон и боязнь американского «неодобрения» оборачивается и для Москвы, и для Тегерана финансовыми, репутационными и политическими издержками, которые тот же Вашингтон ни при каких обстоятельствах «в знак благодарности» не компенсирует;

Во-вторых, в силу целого ряда причин партнерство в торгово-экономической сфере между нашими странами возможно только под патронажем государства и правительства, что Российской Федерации, что Исламской Республики.

«Оглядка» в двусторонних отношениях на Вашингтон и боязнь американского «неодобрения» оборачивается и для Москвы, и для Тегерана финансовыми, репутационными и политическими издержками

И значение поездки в Тегеран главы Минэкономразвития Алексея Улюкаева заключается в первую очередь в том, что толчок для реализации совместных с Ираном проектов будет даваться теперь на правительственном уровне. «Иранского проекта» в России еще нет. Но «иранский портфель контрактов» уже формируется. Что в нем сегодня?

«Атомный контракт», о котором ИА REGNUM уже достаточно подробно информировало своих читателей.

«Энергетический мост» между Россией и Ираном, переговоры о строительстве которого в нынешнем году уже вел в Иране российский министр энергетики Александр Новак. Речь идет о контракте стоимостью от \$8 до \$10 миллиардов, который предусматривает экспорт 500 МВт российской электроэнергии в Иран, строительство новых генерирующих мощностей и практически полную модернизацию иранских распределительных электросетей. «Изюминкой» данного контракта является участие в нем Азербайджана, через территорию которого и будет осуществляться транзит электроэнергии. Причем замминистра энергетики Азербайджана Натиг Аббасов уже сообщил, что «с технической точки зрения Азербайджан давно готов начать транзит электроэнергии из России в Иран через свою территорию. Все линии электропередач и подстанции уже готовы к этому».

Совсем не лишним будет заметить, что заявление Аббасова — это не просто констатация того факта, что «энергомост» осуществим технически. Собственно, электросети Азербайджана и России уже соединены электрораспределительными сетями «Дербент» и «Ялама». В свою очередь энергообмен между Азербайджаном и Ираном осуществляется по пяти линиям: «Парсабад I», «Парсабад II», «Астара», а также посредством 132-киловольтных ЛЭП «Джультфа» и «Араз» по территории Нахичеванской Автономной Республики. Это еще и реальная «политическая» оплеуха Вашингтону, выступающему «куратором» другого энергетического моста на постсоветском пространстве, CASA-1000, который так и не идет дальше совместных проектов, «принципиальных договоренностей» и красивого по исполнению сайта.

И, наконец, «железнодорожный контракт», оценивающийся в полтора миллиарда долларов. Он предусматривает российское участие в модернизации железных дорог Ирана, в том числе электрификацию части этих путей, что позволит Ирану снизить себестоимость движения и увеличить скорость на данных участках. Кстати, в рамках этого проекта в феврале нынешнего года прошли и переговоры о приобретении иранцами российской рельсовой продукции.

Что же касается так называемого «Большого нефтяного контракта» стоимостью двадцать миллиардов долларов и пятьсот тысяч баррелей иранской нефти в день, оплата которой будет производиться российской промышленной продукцией и инжиниринговыми услугами, то он пока отложен из-за ситуации с мировыми ценами на нефть.

Но эта ситуация вернула к жизни другой проект, зондаж возможности реализации которого проводили Алексей Улюкаев и сопровождавшие его лица в Тегеране в ходе нынешней поездки, — переход во взаиморасчетах во внешней торговле между странами на национальные валюты. Эта задача облегчается тем, что к переходу на такую форму взаиморасчетов Россия

готовится с Китаем. А кроме того, с сентября нынешнего года начала свою деятельность рабочая группа по выработке такой формы экономических отношений с Турцией. Предполагается, что и переход на национальные валюты во взаиморасчетах, и регулируемая правительствами России и Ирана девальвация этих валют в определенной мере способны снизить издержки экономики в условиях падения цен на нефть.

Потенциал иранского рынка для российской экономики по самым осторожным прогнозам составляет от 20 до 25 миллиардов долларов. Текущий товарооборот по итогам прошлого года составил 1,59 миллиарда долларов, сократившись по сравнению с 2012 годом на 31,5%. Цифры говорят сами за себя — наше торгово-экономическое партнерство со страной, которую Владимир Путин назвал «приоритетным партнером в регионе», за последние два года, по сути, провалено и сегодня носит достаточно декоративный характер.

Остается надеяться, что полученная иранской и российской стороной в ходе нынешнего визита информация, достигнутые предварительные договоренности правительственных чиновников, Алексея Улюкаева и его иранских коллег — министра промышленности, рудников и торговли Ирана Мохаммеда Реза Нематзаде и министра экономики и финансов Али Тайебния — наконец-то остановят это падение и дадут новый импульс в реализации столь важных для наших стран экономических проектов.

Александр Донецкий

Российско-турецкие соглашения меняют расстановку сил в Европе и на Ближнем Востоке

Проект газопровода по дну Черного моря в обход территории Украины начали разрабатывать в июне 2007 года, вскоре после окончания инициированной Киевом очередной газовой войны с Россией. Совместно с «Северным потоком», проложенным по дну Балтики, «Южный поток» должен был исключить газотранспортную систему политически неустойчивой Украины из схемы поставок российского голубого топлива в Европу. При этом южный маршрут обеспечил бы природным газом Болгарию, Сербию, Венгрию, Хорватию, Словакию, Словению, Австрию, Грецию и Италию. Общая стоимость газопровода, способного за год перекачивать 63 млрд кубометров газа, оценивалась в 16 млрд долл.

Хотя строительные работы по «Южному потоку» изначально планировалось начать в 2013 году, «Газпром» скорректировал график подготовки к строительству, и 7 декабря 2012 работы по прокладке газопровода стартовали в присутствии российского президента. А в декабре 2014 должны были начаться работы на морской части газопровода, для чего в болгарскую Варну доставили часть труб для первой нитки.

Однако «Южный поток» встретил яростное сопротивление со стороны США. Уже в июле 2009 года Болгария объявила о выходе из проекта в связи с участием в строительстве газопровода «Набукко», лоббируемого Вашингтоном и призванного соединить месторождения Азербайджана и иранского Южного Парса с Европой. К концу 2010 года София вернулась в проект, но уже в январе 2011-го тогдашний еврокомиссар по энергетике Гюнтер Эттингер призвал европейские государства отговорить Россию от строительства газопровода в пользу украинской ГТС. В апреле 2014 года Еврокомиссия под давлением США приняла резолюцию против строительства «Южного потока», а в начале июня после встречи с американскими конгрессменами премьер Болгарии Пламен Орешарски объявил о приостановке работ по строительству газопровода на территории страны «до устранения замечаний Еврокомиссии». В сентябре решение европарламентариев, досиживавших последние дни в своих креслах, призвало страны-участницы проекта и вообще отказаться от постройки «Южного потока», несмотря на уже вложенные в прокладку его сухопутных участков значительные средства.

* * *

Болгарам еще предстоит оценить весь вред, который нанесли стране ее власти, согласившись действовать под нажимом Вашингтона и Брюсселя в ущерб национальным интересам. Ведь после полной реализации проекта Болгария могла бы ежегодно получать за транзит газа, согласно заключенному в ходе 10 Международного инвестиционного форума в Сочи соглашению, 2,5 млрд евро.

Теперь вместо строительства газопровода через Болгарию Россия заключила соглашение с Турцией о расширении уже проложенного по дну Черного моря газопровода «Голубой поток». Его мощность увеличивается до тех же 63 млрд кубометров. И первым шагом станет модернизация газоперерабатывающих станций на действующей нитке, которая позволит увеличить 26–30 млрд кубометров поставляемого в Турцию газа еще на 3 млрд кубометров. Из этих объемов Турция потребляет 16 млрд, остальное транспортируется в Европу.

Из тех стран, по территории которых должен был проходить «Южный поток», основные потери понесет Болгария, но теряют также Сербия и Венгрия, уже включившиеся в строительство сухопутных участков газопровода на своей территории. Однако в случае с этими двумя странами дело как раз поправимо, поскольку в планах — строительство газового хаба в приграничной с Грецией Турции. Отсюда газовый поток может, поменяв свою трассу, выйти на построенные участки «Южного потока» в Сербии, а далее продолжить свой путь по прежнему маршруту. При этом маршрут участка Греция — Италия сохраняется практически полностью.

* * *

Российско-турецкие соглашения от 1 декабря 2014 года меняют расстановку сил в Европе и на Ближнем Востоке.

Расширение «Голубого потока» ставит крест сразу на двух лоббируемых Вашингтоном и Брюсселем газопроводных проектах. Это «Набукко», закрытый в 2013 году, но все еще обсуждаемый, и Трансанатолийский газопровод (TANAP). Вместе с тем давнее стремление европейцев воспользоваться азербайджанским газом вполне может осуществиться с увеличением мощности «Голубого потока». Мало того, иранский газ из провинции Южный Парс, на продажу которого европейцам есть планы у Тегерана, тоже может влиться в российско-турецкую газовую струю. А после запуска в эксплуатацию найденного у побережья Израиля месторождения газа «Левиафан», не исключено появление на этом маршруте и израильского голубого топлива.

В связи с документами, подписанными по итогам визита В.Путина в Турцию, стоит обратить внимание еще на одно обстоятельство — переговоры между Москвой и Тегераном о поставках Ирану продовольствия и товаров промышленного производства, невзирая на санкции США.

Отказавшись от проекта «Южный поток», Россия сохранила запланированные объемы поставок газа в Южную Европу и получила ряд других стра-

тегических преимуществ, а именно: установила отношения прочного партнерства с такой крупной региональной державой, как Турция; исключила влияние США на схемы возможных поставок в Европу иранского и азербайджанского газа; продемонстрировала вред присоединения к антироссийским санкциям южнoевропейских государств, лишившихся гарантированных поставок российского газа из-за проамериканской позиции Брюсселя и Софии; обнажила разрушительный характер Третьего энергопакета ЕС, не только ограничивающего экономический суверенитет стран-членов Евросоюза, но и содержащего попытку покупателя (ЕС) диктовать продавцу (Россия), на каких условиях тому продавать свой товар.

* * *

В подписанных президентами России и Турции документах планируется строительство газового хаба на турецко-греческой границе, от которого будут расходиться ответвления «Голубого потока» в страны Европы. В то же время возникновение на территории Турции крупнейшего центра распределения газовых потоков может привести к тому, что возникнет потребность в создании аналогичного, но входного хаба, объединяющего воедино газовые потоки из России, Азербайджана и Ирана. Просто для повышения надежности поставок на долгосрочную перспективу.

Владимир Алексеев

Разврат и пороки в семье Аль Саудов погубят страну

В последнее время Саудовская Аравия находится в центре внимания многочисленных экспертов по Ближнему Востоку, многие из которых, отмечая возросшую роль королевства в региональных делах после серии «цветных» революций в арабском мире и последних шагов Эр-Рияда в интересах США по нефтяному демпингу на мировом рынке, тем не менее указывают на то, что одновременно эта богатей-

шая страна арабского мира находится накануне радикальных перемен и даже возможного исчезновения как государственное образование. Причем практически все аналитики сходятся во мнении о том, что правящая династия Аль Сауд, давно являющаяся тормозом на пути модернизации и реформирования страны, все больше деградирует, погружаясь во все смертные грехи и пороки и не воспринимая трезво происходящие внутри и вокруг КСА сложные политические процессы. И что опасно для всего мира — продолжает поощрять исламский радикализм, экстремизм и терроризм.

Главный в мире спонсор терроризма

Одной из главных причин того, что национальной безопасности королевства быстро возрастают угрозы, ставящие под сомнение само сохранение Саудии как единого государства в его нынешнем виде, является упорная приверженность королевской семье поддержке террористических и экстремистских организаций и группировок, с помощью которых Эр-Рияд зачастую реализует свои внешнеполитические амбиции в арабском и исламском мире, свергая неугодных правителей, насаждая исламизм салафитского типа и развязывая войны и конфликты в сопредельных странах с целью их ослабления. По существу, Саудовская Аравия уже сама стала экстремистским и террористическим государством, причем не только внутри страны, где правление обществом осуществляется с помощью жесткого подавления инакомыслия любого вида, от идейно-политического до религиозного, основанного на дискриминации шиитского меньшинства, грубом попрании прав и свобод человека, насилии и полицейском терроре.

Свое видение современности Аль Сауды навязывают всему арабскому миру, делая это силовым путем, что носит открытый характер с 2011 года. До этого все делалось скрытно, через финансирование террористических и экстре-

мистских движений, подготовку идейно-религиозных «кадров» салафитов в специальных школах, подготовку полевых военных командиров и боевиков как на своей территории, так и на территории стран, граничащих с зонами конфликтов. Перейдя с 2011 года к открытому вмешательству во внутренние дела арабских и исламских стран, КСА просто сбросила маску благопристойного государства, претендующего на роль защитника интересов всех мусульман в мире. И жертвами этого уже стали Египет, Ливия, Сирия, Йемен, Ирак, Афганистан, Пакистан, ввергнутые по указке и при прямом участии Аль Саудов в пучину войн и гражданских конфликтов. Хорошо известны и главные союзники КСА: «Аль-Каида» с ее региональными филиалами, «Братья-мусульмане», многочисленные джихадистские группировки, «Джабхат ан-Нусра» и до последнего времени «Исламское государство Ирака и Леванта», пока эта структура не вышла в июне с.г. из-под контроля своих саудовских создателей и хозяев.

На совести саудовских правителей десятки тысяч убитых салафитами мирных граждан, включая женщин и детей

На совести саудовских правителей десятки тысяч убитых салафитами мирных граждан, включая женщин и детей, причем самыми мерзкими и гнусными методами — от отрезания голов до публичного съедания внутренних органов у еще живых людей. Уже одного этого достаточно для того, чтобы предать международному суду в Гааге

престарелого короля Абдаллу и его силовиков во главе с принцем Бандаром, теперь уже бывшего руководителя разведслужбы КСА, за преступления против человечности как внутри королевства, так и в вышеупомянутых арабских и исламских странах, а также за геноцид против шиитов внутри Саудовской Аравии, да и суннитов тоже. А для начала хорошо бы посадить всех их в клетку и провести по местам «боевой славы», где на их деньги и по их указанию совершались зверства.

Причем искать специальных доказательств не нужно. Достаточно вспомнить, что все это организовано на государственном уровне через Идарат хайат аль-бухус уаль даава уаль-иршад (организация, расположенная в Эр-Рияде), обычно известное как Хайат ад-Даава, а также «Фронт» в Мекке — Лига исламского мира (Рабитат аль-алям аль-ислами), которые являются высшим военным командованием ваххабитов-салафитов. Это — главный финансовый и организационный механизм деятельности ваххабитов-салафитов по всему миру. Их щедро финансирует саудовское правительство. И именно саудовское правительство назначает лидера салафитов. Кроме того, на содержании Аль Саудов находится семья Аал аш-Шейх (в переводе — семья шейха), которая состоит из потомков Мухаммада Абдель Ваххаба и занимает в КСА второе место после них по престижу. По сути главы министерств юстиции, религиозных дел, национальный муфтий и глава головной салафитской организации Ад-Даава (а также лица, занимающие ряд других постов, как например, начальника королевского протокола) происходят родом из клана Аал аш-Шейх. Это — ваххабитское политическое руководство салафитов. На словах осуждая чересчур радикальных салафитов-такфиритов, королевская семья на деле финансирует салафитское движение. Она обязана ваххабитам законностью исторического происхождения, так как клан Аль Сауд был избран ими для правления

Аравией, а также использует их для противостояния шиитским идеям хомейнизма, которых Аль Сауды опасаются больше всего и боятся как огня.

Полное моральное разложение семьи Аль Сауд

Но терроризм — это лишь часть проблемы королевской династии. Не менее серьезную опасность для ее дальнейшего существования представляет крайнее моральное разложение большинства членов клана Аль Сауд и так называемых принцев, число которых превышает 300 человек. Причем наиболее разложены высшие по положению члены королевской семьи.

На первом месте из пороков стоит сексуальный разврат. Король, наследный принц и их приближенные родственники высшего звена, в том числе в системе государственного управления — это многоженцы, зачастую женатые на практически еще девочках или молодых девушках, с разницей в возрасте до 40–50 лет. Отсюда — многочисленное потомство, которое и составляет эту огромную общину «принцев» королевской крови. Если раньше институт многоженства в исламе служил мусульманам для быстрого увеличения численности арабов-бедуинов, составлявших костяк армии Мухаммеда и последующих арабских завоевателей, а также для закрепления позиций на завоеванных территориях путем вступления в брак с представительницами их местных элит, то в современном мире, когда подавляющее большинство мусульман имеют одну, максимум две жены, саудовские правители используют его для удовлетворения своих сексуальных похотей. Причем в КСА вполне нормальным считается частое избавление путем развода от старых жен и вступление в брак с новыми, молодыми женщинами. Для династии Аль Сауд вполне нормально, если «шейх» в свои 65–70 лет женится на 18-летней девушке. А если жен мало, то существует институт наложниц, который остался только в консервативных монархиях Аравии, в основном в Саудовской Аравии и Катаре. Причем наложниц может быть много — иногда их число доходит до сотни. Девушки же покупаются во всех уголках земного шара — от белокурых европейек до чернокожих африканок. Причем, как утверждают те, кто в свое время входил в ближний круг членов клана Аль Сауд, но затем попавший в опалу и бежавший из королевства, саудиты весьма активно практикуют коллективный секс, занимаясь любовью сразу с несколькими женами и наложницами одновременно. Отношениями с одной женщиной «шейх» или «принц» уже не может удовлетвориться. При этом естественные половые связи с женщинами тоже не достаточны: отсюда — использование орального и анального секса. Все это в деталях описано в книге Джина П. Сэссона «Принцесса. Правдивая история жизни под чадрой в Саудовской Аравии» (http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=154457).

А некоторым для секса важен еще и статус женщины. Так, по рассказам «изнутри», один из высокопоставленных Аль Саудов возжелал темнокожую Кондользу Райс в ее бытность госсекретарем США. Утверждают, что за секс с ней «шейх» готов был выложить 5 млн долларов. Интересно то, что после одного из посещений Эр-Рияда у главы внешнеполитического ведомства США появился дорогостоящий бриллиантовый сет. А сама она была яркой сторонницей развития стратегического партнерства Вашингтона с Эр-Риядом. Хотя по идее, американская женщина-политик, да еще темнокожая, должна была добиваться прекращения дискриминации женщин в саудов-

ском обществе, а не потакать абсолютной монархии, управляемой сексуальными извращенцами.

А к сексуальным оргиям представителей семьи Аль Сауд следует добавить и другие «развлечения» абсолютно аморального плана. И в первую очередь — это гомосексуализм (мужеложство). Не являясь гомосексуалистами по природе, многие саудиды удовлетворяют свои сексуальные похоти с мужчинами, так как с женщинами им уже не совсем интересно. Причем делают это в самом извращенном виде, начитавшись соответствующей литературы, издаваемой на Западе. Понятно, что в бытность бедуинами-козопасами и верблюдопасами Аль Сауды практиковали это в отсутствие женщин. Но сейчас, когда за свои нефтедоллары они могут купить практически всех доступных и недоступных красавиц в любом уголке планеты, это уже никак нельзя оправдать суровыми буднями жизни пастуха в пустыне Руб эль-Хали. Для «активных» гомосексуалистов-саудитов предпочтительнее, как утверждают «знатоки» изнутри королевства, европейские мужчины, для пассивных — чернокожие, арабы или пакистанцы.

Еще один грех, которому подвержены многие «достойные» члены королевской семьи КСА — это педофилия, которая процветает у «принцев» и «шейхов» не как природный дефект от рождения, а просто моральное извращение от пресыщенности ввиду избытка нефтедолларов. Причем в ход идут и малолетние девочки, и мальчики. Особенной популярностью пользуются голубоглазые дети — блондины из Европы, которых за большие деньги покупают в бедных многодетных семьях. Но, если нужно и очень хочется, а родители не идут на такие сделки, то дело доходит и просто до банального похищения и доставки детей спецсамолетами клана Аль Сауд под прикрытием дипломатических паспортов. Судя по всему, в Вашингтоне об этом знают, но предпочитают делать вид, что не в курсе. Ведь иметь дело с таким режимом, где бал правят многоженцы, сексуальные маньяки, гомосексуалисты и педофилы — это позор и угроза попасть под жесткую критику собственных правозащитных структур. Вот и закрывают в Белом Доме глаза на «шалости» представителей «голубой крови» Аль Саудов. Ведь главное для американской элиты — наличие у королевской семьи КСА триллионов нефтедолларов, а не высокой морали.

Да что уж там, хоть и противно писать об этом, но и зоофилия тоже в ходу у членов династии Аль Сауд. Видимо, совокупление с животными — от собак до овец и верблюдиц, это уже единственный для некоторых «шейхов» и «принцев» способ удовлетворить свои сексуальные фантазии, когда секс с людьми уже надоел. Нужны животные. Тем более что предки Аль Садов, пася коз в пустыне, тоже этим занимались. Но, они это делали в отсутствие других способов заняться сексом, да еще 1500 лет назад, когда у бедуинов Аравии нормы морали были на уровне каменного века. Это, возможно, частично объясняет то, что саудовские спонсоры не брезгают финансировать вооруженные экстремистские организации, боевики которых самым зверским образом расправляются с пленными, заложниками и мирными жителями. Животные ведь предпочитают животных.

На этом фоне употребление наркотиков и тотальный алкоголизм среди Аль Саудов кажутся детскими забавами. Запретив продажу и употребление спиртных напитков внутри КСА, королевская семья является главным контролером контрабанды алкоголя на сумму 3–4 млрд долл. в год. После

нефти — это второй по размерам источник доходов «принцев». Основные каналы ввоза спиртных напитков — Иордания и Дубай, откуда виски поступает прямо в многотонных фурах. Затем бутылку «Блэк Лэйбл», стоящую 30 долл. в дьюти фри-шопе, продают своим же подданным за 200 долл. Не брезгают ничем. В том числе и торговлей наркотиками.

Саудовская Аравия обречена

При таком управлении страной и в свете развития внутренних процессов в королевстве и вокруг него вполне очевидно, что Саудовская Аравия просто обречена на коллапс и распад. Аль Сауды сегодня — одно из немногих королевских семейств, имеющих абсолютную власть в стране. Все посты в правительстве и в регионах занимают представители Аль Саудов, которые назначаются королем. Сегодня главой династии является король Абдалла ибн Абдель Азиз Аль Сауд, а общее количество саудитов достигает 25 тысяч человек. Нынешний 90-летний правитель, сын первого короля КСА Абдалла родился в августе 1924 года. Он был одним из 37 сыновей первого короля. Он получил традиционное исламское образование при дворе под руководством своего отца, однако много времени проводил в пустыне с матерью, где привык к бедуинскому образу жизни. Абдалла стал новым королем Саудовской Аравии в 2005 году, унаследовав титул «Служителя двух святынь». Король Абдалла являлся самым богатым государственным лидером, согласно рейтингу журнала «Форбс», составленному в 2006 году, его личное состояние составляло 21 миллиард долларов. У него целый «букет» болезней и фактически он уже не может управлять страной, зачастую исчезая с поля зрения на месяцы для лечения. Второй человек в королевстве — наследный принц Сальман бин Абд аль-Азиз Аль Сауд родился 31 декабря 1935 года, то есть ему почти 80 лет. Он тоже сын первого короля Саудовской Аравии. Принц Сальман был назначен наследником престола и первым заместителем премьер-министра в июне 2012 года после смерти своего брата наследного принца Наифа, став уже третьим престолонаследником за годы правления короля Абдаллы, которые умирали от старости и болезней один за другим. В последние годы он перенес инсульт, вследствие чего его левая рука не работает, а также в августе 2010 года ему делали операцию на позвоночнике. Также ходили слухи, что он страдает Болезнью Альцгеймера.

Фактором, косвенным образом, подрывающим единство правящего семейства, является второе поколение Аль Сауд — так называемые молодые принцы, которым в основном за 60 лет. Представители этой группы возглавляют среднее звено в ряде ключевых ведомств, занимают наиболее значимые должности в губернаторствах, вооруженных силах, Национальной гвардии, спецслужбах, ведут успешную предпринимательскую деятельность. Получившие высшее светское образование на Западе, «молодые принцы» часто не удовлетворены двойственным курсом руководства страны, направленным на сохранение исламских традиций 17-го века в качестве основы существования саудовского государства и одновременно на осуществление модернизации, а также незначительной степенью своего участия в государственных делах. Неформальный лидер «молодых принцев» — Валид бен Таляль, ведущий представитель делового мира Ближнего Востока, входящий в «первую десятку» обладателей крупнейших личных состояний. И он

явно рвется к власти, но вряд ли ее получит. А наиболее сильный человек из числа «внуков» — принц Бандар бин Султан недавно был снят с должности руководителя спецслужб за провалы в Сирии и Ираке. В этих условиях трудно предсказать, что будет с КСА после смерти короля Абдаллы. Если, конечно, КСА не развалится раньше под давлением внутренних и внешних факторов.

* * *

Разжигая «цветные» революции в арабском мире у себя под боком, поощряя экстремизм и терроризм в регионе, вступив в острую конфронтацию с шиитскими Ираном и Ираком, снизив цены на нефть в угоду США и в ущерб себе, Саудовская Аравия получила враждебное окружение по всему периметру своих границ — Сирия, Ирак, Йемен. Созданный на деньги КСА ИГИЛ уже объявил на днях о распространении своего джихада на территорию королевства. Произошла новая вспышка насилия против шиитов Восточной провинции. Первые знаковые теракты уже случились. Ситуация внутри страны раскалилась. В этих условиях очевидно, что правящая династия Аль Сауд, состоящая из престарелых и больных извращенцев, гомосексуалистов, педофилов и зоофилов, никак не может противостоять внешним и внутренним угрозам. Распад королевства станет естественным концом правления бедуинской семьи Аль Сауд, создавшей 85 лет тому назад искусственное государство при опоре на Великобританию. И вряд ли кто-то этому удивится.

Мария Безчастная

Вашингтон опять предлагает «наказать Россию», теперь из-за Ирана

Представитель Госдепартамента США Дженнифер Псаки 2 декабря пригрозила России очередными санкциями. На сей раз не в связи с ситуацией на Украине, а из-за предполагаемого соглашения между Россией и Ираном «нефть в обмен на товары».

Вопрос поставок российского зерна и промышленной продукции в обмен на иранскую нефть обсуждался 30 ноября во время визита министра

экономического развития РФ Алексея Улюкаева в Тегеран. Сообщения о том, что такое соглашение может быть подписано, появлялись в СМИ еще в начале 2014 года, но сейчас сделка начала приобретать реальные очертания. Подробности соглашения неизвестны, но иранские чиновники, с которым удалось пообщаться Reuters, оценили ее в 20 млрд долл. По их словам, Иран может поставлять России около 500 тыс. баррелей нефти в сутки в течение двух-трех лет по цене немного ниже рыночной, а взамен получать различные товары не военного назначения.

Вашингтон в потенциальном контракте возмущает то, что он, якобы, нарушает санкции, в одностороннем порядке наложенные Штатами на Иран из-за его ядерной программы. В 2012 году США, а затем и Евросоюз, ввели против республики санкции, которые существенно ограничивали экспорт иранской нефти. Даже после некоторого ослабления ограничений, экспорт не должен превышать 1 млн барр. в сутки. В ноябре 2013 года в Женеве «шестерка» международных посредников, в которую входит и Россия, договорилась с Ираном подготовить соглашение, которое гарантирует исключительно мирный характер ядерной программы Тегерана в обмен на полное снятие санкций.

«Мы знаем о переговорах между Россией и Ираном, которые касаются различных областей экономического сотрудничества. Если будут подозрения, что договоренности являются санкционными, мы будем действовать. Но пока мы не можем делать это абстрактно», — посетовала Джен Псаки на брифинге.

Новое направление санкций не значит, что Запад начал забывать об Украине. Вступивший на пост президента Европейского совета Дональд Туск первым делом сообщил, что уже провел телефонные переговоры с Баракком

Обамой по украинскому кризису. Они сошлись на том, что «санкции против России не могут быть ослаблены, пока Россия не выполнит свои обязательства по Минским соглашениям», и «подтвердили общее осуждение со стороны США и ЕС оккупацией и аннексией Крыма Россией». «Лидеры сочли, что могут понадобиться дополнительные действия в ответ на дестабилизирующие действия России на востоке Украины и в Крыму», — говорится в сообщении Белого дома.

Желание Запада еще больше усилить давление на Россию по всем направлениям очевидно, вопрос только в том, есть ли для этого ресурсы?

— С курсом Евросоюза все окончательно прояснилось на саммите G20 в Австралии, где Ангела Меркель повела себя определенным образом, — говорит руководитель Центра политологических исследований Финансового университета при правительстве РФ Павел Салин. — После этого последние иллюзии о том, что у России есть адвокат в Европе в лице Германии, улетучились. Поэтому от заявлений и личности Туска, несмотря на занимаемый им пост, мало что зависит. Он только ретранслирует те импульсы, которые идут от Вашингтона и части проамерикански настроенной европейской элиты. Никаких надежд на отмену санкций до 31 июля, когда исполнится год со дня введения третьего пакета, нет.

Что касается условий для их отмены, Запад делает разные намеки. Но если в случае с Новороссией Россия может идти на какие-то уступки, то отыграть назад ситуацию с Крымом никакой возможности нет.

«СП»: — О каких новых санкциях говорят Псаки и Туск?

— У меня большие сомнения в том, что у США и Европы есть в запасе серьезные санкции в отношении России. Основной пакет, который сильно бьет по российской экономике, был введен 31 июля. Тогда произошел коренной перелом — Россию отрезали от мирового рынка капитала на Западе и частично на Востоке, от рынка технологий в сфере добычи природных ресурсов. Не думаю, что после этого у Запада есть ресурсы для дальнейших болезненных мер. Лимит серьезных рычагов влияния на Россию был исчерпан 31 июля.

Заместитель директора Центра политической информации Алексей Панин считает, что несмотря на грозные заявления Запада, возвращение Крыма вскоре может исчезнуть из списка условий для отмены санкций.

— Соглашение с Тегераном очень выгодно и России, и Ирану, несмотря на определенные объективные сложности, связанные с бартером. Выгодно, прежде всего, потому, что позволяет полностью исключить американскую финансовую систему из взаиморасчетов. Слухи об этом соглашении ходили еще несколько месяцев назад, и то, что они всплывают снова, — демонстрация того, что в этом направлении ведется работа.

«СП»: — Действительно ли сделка с Ираном может стать поводом для новых санкций?

— Я был немало удивлен заявлением госпожи Псаки. Украина Украиной, но то, что наши отношения с Ираном могут спровоцировать новый виток санкционной войны — инновация Госдепа.

С другой стороны, эта риторика связана не столько с Ираном, сколько с тем, что Россия на европейском направлении перешла в наступление. Это видно и по «Южному потоку», и по давлению на Францию сразу по нескольким вопросам. США понимают, что стратегия нашей страны в ближайшие месяцы, то есть до марта, когда были введены первые санкции, будет строиться на том, чтобы одну за другой «выключить» страны Европейского Союза из сферы влияния Брюсселя и Вашингтона. И сейчас Госдеп пытается предупредить Россию о возможных контрмерах.

Запад не очень хорошо понимает, какие еще санкции он может ввести и как давить на Россию так, чтобы полностью не обрушить не только российскую, но и европейскую экономику. К текущей конструкции жертв, которые были понесены обеими сторонами, добавить уже нечего. Для того чтобы вводить новые санкции, надо выходить на новый уровень убытков, а это чревато сменой политических элит в ряде европейских стран, которые ориентированы на Россию.

«СП»: — Западные политики продолжают называть условия для отмены санкций. Сейчас Туск с Обамой говорят о соблюдении Минских соглашений, но вспоминают и о Крыме...

— Во-первых, Минские договоренности достаточно размыты для того, чтобы соблюдать их в полной мере. Во-вторых, Россия вообще не является участником конфликта на Украине, и то, что нам постоянно навязывают эту роль, называют гражданской войну «украино-российской» — это одно из пагубных последствий информационной войны. Москва в одиночку, как и Вашингтон, и Брюссель, не может разрешить ситуацию на Украине. Это надо четко понимать. Для того чтобы в ситуацию был внесен перелом, представители народных республик и Киева должны прекратить огонь и начать переговоры по стабилизации обстановки. Пока этого не произойдет, Россия ничего сделать не может. При всем влиянии на Донбасс, оно не стопроцентное.

Что касается Крыма, в кулуарах полупешепотом дипломаты говорят о том, что Запад в принципе готов смириться с ситуацией вокруг полуострова. Об этом сказал и Михаил Горбачев. Это довольно рискованный прогноз, но я готов его озвучить: Россия сейчас играет жестко, продолжает расшатывать политическую обстановку в Евросоюзе и Вашингтоне, чтобы в марте 2015 года, когда могут быть пересмотрены антироссийские санкции, в принципе вывести Крым из их рассмотрения. Грубо говоря, политические и экономические потери Европы к тому моменту будут настолько высоки, что принятие политического решения по Крыму станет для нее необходимым, но наименьшим злом.

Ведущий научный сотрудник Института востоковедения РАН Владимир Сотников объясняет, что Россия никогда не присоединялась к антииранским санкциям, поэтому не нарушает никакие обязательства и нормы международного права, заключая с Ираном торговое соглашение.

— Российская Федерация не присоединялась ни к каким санкциям против Ирана. Их приняли западные страны, прежде всего, американцы. Россия выстраивает собственную независимую политику в отношении Исламской республики Иран. Москва вольна предпринимать любые шаги, в том числе заключать соглашения о поставках иранской нефти в разных объемах. Рос-

сия и Иран здесь выступают, как равноправные партнеры, и этот договор взаимовыгоден. Иран таким образом выбрасывает на рынок свою нефть, потому что, находясь под санкциями, он не может выйти на мировой рынок. А Россия получает возможность реэкспорта и дополнительный доход.

США, к сожалению, действуют вразрез с международным правом и в одностороннем порядке накладывают санкции. Некоторые ограничения были наложены и Европейским союзом, но, как ожидают аналитики, они будут поэтапно сниматься. Тем более что ограничения бьют по европейским компаниям сильнее, чем по американским.

«СП»: — Может ли это произойти в нынешних условиях?

— Все ожидали, что 24 ноября будет заключено прорывное соглашение по ядерной программе Ирана. Но сделать это не удалось, и срок переговоров был расширен до 1 июля. Если бы соглашение было подписано, то санкции были бы сняты. Россия — полноправный участник переговоров, и наши официальные лица говорили, что даже если соглашение не заключат, процесс должен продолжаться. Что касается сделки по нефти, еще раз подчеркну, Россия не участвует в санкциях и принимает решения, исходя из собственных национальных интересов.

Кстати, и американский бизнес дождался этого соглашения. Многие компании хотели бы выйти на обширный иранский рынок. Так что эти санкции бьют не только по Ирану, но и по интересам многих компаний в США. Но это политический метод давления Вашингтона на Иран, чтобы ядерная сделка была заключена. Хотя Тегеран и так пошел на значительные уступки.

Несмотря на все разногласия, в том числе между Россией и США из-за Украины, сейчас идет активный поиск точек сближения в вопросе иранской ядерной программы. Это видно по многочисленным встречам нашего министра иностранных дел Сергея Лаврова с госсекретарем США Джоном Керри. Да и президент Обама выступает за то, чтобы соглашение было заключено, и необходимость в жестких санкциях отпала. Дипломатический процесс продолжается.

«СП»: — Присоединится ли Европа к антироссийским санкциям из-за Ирана, если Вашингтон все же их введет?

— Для Европы антироссийские санкции тоже болезненны. Недавно бывший президент Франции Николя Саркози заявил, что санкции непродуктивны и нужно их снимать, так как они не решают проблему украинского кризиса. Европейцы, по крайней мере, пытаются демонстрировать свою собственную позицию.

«СП»: — Стоит ли идти на конфронтацию с Западом еще и по иранскому вопросу, учитывая ухудшение отношений из-за Украины?

— Мне кажется, что Россия в сложившейся ситуации и так идет на максимально возможные уступки Западу. И президент Путин в одном из выступлений косвенно об этом сказал, когда напомнил, что мы уступили по Ливии, другим вопросам, и что из этого вышло? Нужно правильно оценивать, где мы можем поступиться, а где должны проявлять принципиальную позицию. В любом случае, Россия должна отталкиваться от своих национальных интересов.

Сергей Шакарянц

Закавказье в планах США и НАТО — плацдарм против России и Ирана

Несмотря на вступление Армении в Евразийский экономический союз, дальнейшее сближение Азербайджана с Россией и смену руководства в Грузии, Соединенные Штаты и члены НАТО продолжают активно «обхаживать» Ереван, Баку и Тбилиси. Вашингтон и Брюссель не отказались от попыток создания в Закавказье плацдарма против России и Ирана.

Активизация Соединенных Штатов и Североатлантического блока в Закавказье ведется не только непосредственно Вашингтоном и Брюсселем, но также отдельными членами блока.

Например, Великобритания подписала со странами Закавказья планы военного сотрудничества на 2015–2016 годы. Анализировать активизацию англичан в регионе в отрыве от повышенной активности США и всего блока НАТО в целом бессмысленно. Лондон не ведет какой-то своей «игры» в Закавказье, его действия — составляющая американского прессинга; санкции против Ирана и России Великобритания применяет с не меньшим энтузиазмом, чем США.

Попытки сколотить нечто вроде военно-политического блока в регионе, направленного, в первую очередь, против России и Ирана, предпринимались всегда. Заказчик известен, это — Соединенные Штаты. Турцию в качестве самостоятельного игрока воспринимать не следует. Как бы Анкара ни силилась доказать, что она руководствуется исключительно своими интересами, ее членство в НАТО не позволяет относиться к Турции как к полностью самостоятельному государству в вопросах войны и безопасности, что видно на примерах Ирака и Сирии. А еще было американское детище ГУАМ — альянс Грузии, Украины, Азербайджана и Молдавии, была и попытка по инициативе Украины сформировать в рамках этого альянса некий «миротворческий контингент», не говоря уже о намерениях расширить эту структуру за счет Армении и Узбекистана. Послы США в Армении Майкл Леммон (1998–2001) и Джон Ордуэй (2001–2004) уговаривали власти республики хотя бы только декларировать возможность вступления страны в ГУАМ в перспективе.

Прекрасно зная о негативном отношении России и Ирана к возможности появления войск или баз Североатлантического альянса поблизости от их границ, США инициировали «раздачу» Плана действий индивидуально-партнерства с НАТО Грузии, Азербайджану и Армении. В перспективе

намереваясь мгновенно включить их в ряды блока неким «явочным порядком». Об этом свидетельствовали настойчивые «намекы» специального представителя генерального секретаря НАТО по Южному Кавказу и Средней Азии Роберта Симмонса, которые он делал в 2000–2010 годы, заявления о необходимости размещения неких западных «миротворцев» в регионе, попытки сломать и пересмотреть форматы миротворчества в Южной Осетии и Абхазии. Август 2008 года пресек эти поползновения, но события на Украине доказывают, что планы реанимированы.

Анкара продемонстрировала свою активность летом нынешнего года, иницировав проведение встречи министров обороны Турции, Азербайджана и Грузии в Нахиджеване 19 августа, а также в организации совместных учений в Закавказье. Наивно думать, что Анкара при этом исходила из сугубо своих интересов и забот: Турция не просто член НАТО, а государство, располагающее вторыми по численности в Североатлантическом блоке вооруженными силами. Темой встречи министров обороны была заявлена «защита нефтепроводов в регионе», что на фоне срыва Западом строительства ирано-сирийского газопровода и российского газопровода «Южный поток» говорит о многом. Затем последовали визиты министра обороны США в Тбилиси и министра обороны Израиля в Баку, президент Франции Франсуа Олланд сообщил о готовности французской стороны передать в аренду Азербайджану французский военный космический спутник...

При этом не следует думать, будто активность США и НАТО не распространяется на Армению. Еревану отведено свое место в региональной стратегии США и НАТО, и эти акторы продолжают пытаться давить на Армению:

- В ноябре прошла очередная «Неделя НАТО» в Армении...
- Послы ряда западных стран и министр по делам Европы МИД Великобритании Дэвид Лидингтон выразили сожаление в связи с вступлением Армении в Евразийский экономический союз...
- В ноябре в стране, под эгидой посольства США, в Ереване стартовала программа «Черноморский коридор Великого шелкового пути»...
- 28 ноября в парламенте Армении состоялась закрытая встреча членов парламентской комиссии по внешним сношениям и членов парламентской группы дружбы Армения–США с послом США в Армении Джоном Хефферном...

Все это дает основания считать, что Армения, несмотря на ее членство в ОДКБ, СНГ и присоединение к ЕАЭС, остается под внимательным «присмотром» Запада. Неслучайно 4 декабря в регион прибыл специальный представитель генерального секретаря НАТО Джеймс Аппатурай, начавший свой вояж с переговоров в Тбилиси.

Также не следует отрывать активизацию военных и стратегических приготовлений Запада в Закавказье от планов НАТО на Ближнем Востоке. Недавний авианалет ВВС Израиля на воинские склады в предместьях Дамаска — доказательство того, что Запад и его союзники в регионе вскоре начнут новый этап военной эскалации. О том же свидетельствует и нежелание Запада оказать помощь сирийским курдам в освобождении от ваххабитов-террористов группировки «Исламское государство» города Айн-эль-Араб.

Коалиция Запада против группировки «ИГ» должна лишь замаскировать подготовку к еще более драматическим событиям.

Все это замешано на резкой активизации проамериканских сил в Грузии. По мнению главного редактора информационного агентства «Грузинформ» Арно Хидирбегишвили, вероятная реставрация власти сторонников М.Саакашвили может быть связана с планами США по размещению до конца нынешнего года в Грузии баз НАТО и систем ПРО, строительству железной дороги Карс-Ахалкалаки-Баку с выходом на Иран и Каспий, а также выводом западного контингента из Афганистана через территорию Грузии. Кроме того, сторонники бывшего министра обороны Грузии Ираклия Аласания обвиняют «Грузинскую мечту» в намерении отказаться от прозападного курса, изменить условия транзита азербайджанского газа в Европу в рамках проекта «Шах Дениз-2». Речь — о Трансанатолийском газопроводе (TANAP), ввод в строй которого запланирован на 2018 год.

Уже неоднократно сообщалось о намерениях США превратить Грузию в базу по подготовке «умеренных сирийских оппозиционеров» и в место ссылки узников тюрьмы Гуантанамо. Тбилиси ответил американцам согласием.

США и НАТО рассматривали и рассматривают Закавказье только в качестве плацдарма для подрывных действий. Мишени остаются прежними: Россия и, конечно, Иран.

Владимир Ефимов

Иран не оставит Йемен на растерзание КСА и США

Не смирившись с приходом к власти шиитских повстанцев-хуситов, которые хотят избавиться от коррупции и несправедливости распределения власти между различными конфессиями и племенами, а также пытаются прекратить зависимость своей страны от Саудовской Аравии и других реакционно-консервативных монархий Персидского залива и засилья США, Эр-Рияд и Вашингтон пытаются склонить чашу весов на свою сторону. В этой ситуации наглого и циничного американско-саудовского вмешательства во внутренние дела ЙР на помощь ему пришел Иран, который не может оставить братьев по вере на растерзание аравийским ваххабитам и их американским приспешникам, которые хотят от Йемена одного — завладеть его богатыми нефтегазовыми ресурсами. Как только это поняли американцы и саудовцы, сразу же последовала их агрессивная реакция: в 9 утра 3 декабря с.г. прозвучал взрыв машины у резиденции посла Ирана в Сане. Но самого посла в это время, к счастью, там не было.

Терроризм — обычное оружие США и Саудовской Аравии

Конечно, все можно легко свалить на «Ансар Шариа» — террористическую организацию, созданную на базе Аль-Каиды и ряда исламистских группировок, объяснив это тем, что, дескать, радикальные сунниты атаковали революционных шиитов. Но только идиот может в это поверить. Вот и в Сане все поняли, что за диверсией стоят спецслужбы США и КСА, которые наняли несколько боевиков из ИГ и «Ансар Шариа» через посредников для ее реализации, прекрасно зная, что иранского посла в это время не будет. Цель — запугать. Хотели бы — убили. Сделать это в Йемене несложно. Так что Тегерану просто послали предупреждение, чтобы иранцы не «лезли» в Йемен. Кроме того, США до сих пор очень обидно, что их посла убили в Бенгази те, кого сами же американские спецслужбы вскормили. А тут получается, что других послов не трогают. Но ведь не трогают как раз потому, что их государства так не хамят как Вашингтон. А то, что американцы часто прибегают к услугам бандитов и террористов, давно известно. Достаточно вспомнить действия моджахедов Афганистана против СССР, Аль-Каиды против СССР, «Братьев-мусульман» против Хосни Мубарака в Египте, создание ИГИЛ для свержения Башара Асада в Сирии и т.д.

Да и саудовцы грешат этим в не меньшей степени. Достаточно вспомнить, Усаму бен Ладена, поддержку Аль-Каиды, организацию переворота в Египте с опорой на «Братьев-мусульман», финансовую и вооруженную поддержку ИГИЛ и «Джабгат ан-Нусра» в Сирии и Ираке, разжигание через агентуру саудовских спецслужб радикализма и сепаратизма на Северном Кавказе и в Поволжье, включая недавний теракт в Грозном в рамках американо-саудовских усилий по подрыву стабильности России с целью устранения нынешнего режима Владимира Путина. В их прицеле также смена режима в Иране, замена его на прозападное правительство и ликвидация ядерного потенциала ИРИ. Отсюда — опасения Вашингтона и Эр-Рияда по поводу усиления иранской роли и влияния на Аравийском полуострове, тем более в южном подбрюшье королевства — Йемене.

Ситуация в Йемене

После недавнего формирования «технического» кабинета министров Йемена, состоящего из профессионалов-технократов, ситуация в стране несколько успокоилась, хотя и продолжает оставаться практически на грани перехода в вооруженный конфликт в любой момент. Хуситы установили контроль над столицей и наиболее крупными городами Севера и Центра, включая главный порт на Красном море Ходейду, Таиз, находящийся на стыке Севера и Юга, а также над столичными аэропортом, телевидением, радио и всеми стратегическими объектами, министерствами, и ведомствами. Их «комиссары» сидят во всех госучреждениях, контролируя все финансовые потоки и тем самым сдерживая коррупционные схемы.

Только Юг и его центр Аден остается вне зоны контроля хуситов, которым запрещено появляться с оружием в южных провинциях ЙР. Судя про всему, шиитские повстанцы не пойдут на Юг, опасаясь больших потерь и того, что это может подстегнуть Южный Йемен к воссозданию независимого государства. Проблема Юга — наличие там, прежде всего в Хадрамауте, и в восточных провинциях страны огромного количества боевиков-исламистов, объединившихся вокруг «Ансар Шариа» — бывшей Аль-Каиды Аравийского полуострова, и ряда других суннитских исламистских группировок. Фактически, они сейчас ведут активные бои с хуситами и остатками йеменской армии, а по их позициям наносят удары американские беспилотники. Американцы хотят сначала расправиться с исламистами, чтобы потом взяться за хуситов. Ведь в Вашингтоне уверены: за «Ансар Алла» стоит Иран, который якобы хочет создать в Йемене шиитское правление в своей орбите влияния, используя это для давления на Саудовскую Аравию с южного направления.

Все понимают, что на военное вторжение в Йемен Эр-Рияд не пойдет: королевство само трещит изнутри, да и в военном плане саудовская армия не столь сильна. К тому же, в пограничных районах КСА с ЙР проживают

Проблема Юга — наличие там, прежде всего в Хадрамауте, и в восточных провинциях страны огромного количества боевиков-исламистов, объединившихся вокруг «Ансар Шариа»

шиитские йеменские и саудовские племена, типа исмаилитов в Наджране. Поэтому американцы злятся из-за своей глупости, когда в 2012 году Вашингтон совершил «цветную» революцию против бывшего президента А. Салеха. В США и КСА опасаются, что Йемен из-за затянувшегося противостояния распадется на анклав: шиитский на Севере и в Сане, где возродится зейидитский имамат по типу 1962 года, суннитский в Центре, возможно со столицей в Таизе, а также полусветский на Юге со столицей в Адене и исламистско-террористический в восточной части Юга (по типу «государства» ИГИЛ в Ираке и Сирии) со столицей в Мукалле. Тем более ИГ уже объявил о начале боевых действий в ЙР. Либо иракский вариант — многолетняя гражданская война на базе суннито-шиитского противостояния и при участии многочисленных террористических структур.

Роль Ирана

Отсюда — слухи, распространяемые американцами и саудовцами о том, что якобы Иран готов чуть ли не вооруженным путем поддержать хуситов и закрепиться в ЙР. Хотя даже мало разбирающийся в этих хитросплетениях человек прекрасно понимает — Тегеран никогда не направит свои войска в Йемен. Понятно, что советники, прежде всего из КСИР, в вооруженных формированиях «Ансар Алла» имеются, но они не участвуют в боевых действиях. Их задача — обучать бойцов хуситов. Нет сомнений и в том, что Иран помогает им, тем более что порт Ходейда находится в руках шиитских повстанцев. Но задача Тегерана — не создавать плацдарм для атаки с юга на Саудовскую Аравию, а помочь шиитам-хуситам в противостоянии с откровенной агрессией США и КСА с опорой на исламистов в лице «Ислах» и части ВНК. Тем более что прошла информация о начале контактов между «ислаховцами» и «Ансар Шариа» на предмет объединения в борьбе против «шиитской угрозы». В этой ситуации Иран просто не может бросить хуситов на «съедение» Вашингтона и Эр-Рияда. Ведь потом саудовцы начнут еще жестче подавлять шиитов в

Радача Тегерана — не создавать плацдарм для атаки с юга на Саудовскую Аравию, а помочь шиитам-хуситам в противостоянии с откровенной агрессией США и КСА

других странах и у себя внутри страны: уже не является секретом план свержения Башара Асада в Сирии под предлогом войны с ИГ, принятый под давлением саудовцем в Джидде в конце сентября с.г., идет борьба против шиитского правления в Ираке с задействованием ИГИЛ, разворачивается новый виток борьбы против Хизбаллы в Ливане при участии Израиля, опять саудовцы усиливают свое военное присутствие на Бахрейне, где вновь началось брожение шиитского большинства населения и т.д. Создание «шиитской дуги» вдоль границ Королевства — это идея фикс правящей династии Аль Сауд.

И что остается в этих условиях делать Ирану, если КСА и Израиль, выкручивая руки США, стараются раздавить ИРИ, проводящую независимую внешнюю политику и противостоящую распространению саудовской гегемонии в Персидском заливе и на Ближнем Востоке? Только сопротивляться всеми доступными средствами. Иначе Иран превратится в сателлит США и

их ваххабитских партнеров. И потом — Тегеран не собирается превращать Йемен в свою полуконию, как это сделал КСА с Кувейтом, Катаром и Бахрейном. Тегеран намерен помочь стабилизации ситуации в ЙР, созданию там прочных властных структур с учетом интересов всех, кто выступает за единый и справедливый Йемен, способствовать развитию йеменской экономики. Но для этого нужно сначала установить мир в этой стране. А США и Саудовская Аравия не дают шанса на стабилизацию в ЙР. Вот и приходится Ирану идти на помощь Йемену в интересах мира и стабильности на Аравийском полуострове.

* * *

Судя по всему, хуситы при поддержке Ирана способны установить порядок и обеспечить трансформацию своей страны в процветающее государство, когда никто не сможет грубо влезать в его внутренние дела. И роль Тегерана на данном этапе очень важна до тех пор, пока осуществляется американско-саудовское вмешательство в дела этой южноаравийской страны. Иран — фактор стабильности, гарант того, что йеменцы сами определяют свою судьбу. И помогает он крайне деликатно, без применения оружия, без бомбардировок позиций противоборствующих сторон. Это еще раз демонстрирует народам этого региона важность укрепления позиций Ирана в этом районе в противовес тем, кто хочет править путем подавления прав и свобод и грабить природные ресурсы, проливая кровь и наживаясь на страданиях народа Йемена и других арабских стран.

Владимир Алексеев

О возросшей роли Ирана в нынешнем раскладе сил на Ближнем Востоке

Переговоры «шестерки» международных посредников с Ираном не привели к окончательному соглашению по ИЯП, хотя новый крайний срок для его заключения был продлен еще на 7 месяцев. То, что наверняка вызвало бы острый кризис год назад, за которым последовали бы угрозы в адрес Тегерана, на этот раз произошло без драматизма и накала страстей. Более того, Барак Обама не считает целесообразным введение новых санкций, подготовленных Конгрессом в отношении Ирана. Эта новая реальность означает не изменение в отношениях между Соединенными Штатами и Ираном, а скорее является отражением мощных геополитических изменений, которые произошли и происходят на Ближнем Востоке и которые несколько отодвигают безотлагательность решения по ИЯП.

«Исламское государство» все изменило

Эти изменения проявились прежде всего в виде появления «Исламского государства». Идеологически между «Исламским государством» и другими радикальными исламскими движениями джихада мало различий. Но с точки зрения географического присутствия «Исламское государство» стало реалией на карте мира. В то время как «Аль-Каида» стремилась взять под свой контроль крупное государство типа Афганистана, она все же оставалась прежде всего террористической организацией, а не государственным образованием. Она не могла длительное время удерживать обширную территорию. А ИГ рассматривает себя как ядро, из которого должно вырасти межнациональное исламское государство Халифат. И это частично удалось: в Сирии и Ираке создано квази-государство, управляющее несколькими крупными регионами этих двух стран, у него есть что-то вроде обычных вооруженных сил, созданных, чтобы защитить и расширить контроль исламского государства. То есть получился феномен — исламистское движение, действующее как региональное государство. Пока, правда, не ясно, сможет ли это исламское государство выжить. Но прецедент создан. Также нельзя точно предсказать, сможет ли оно расширить свои границы.

Новая территориальная угроза

«Исламское государство» породило хаос и бурю, которые вызвали мощную турбулентность на глобальном и региональном уровнях. И многие страны вынуждены приспосабливать свою политику к этой новой реалии, а также реагировать на нее. Дамаск и Багдад не единственные, кому приходится иметь дело с «Исламским государством». Другим странам этого региона, Турции, Ирану и Саудовской Аравии, тоже приходится принимать это в расчет. Террористическая организация может нанести сильные удары и вызвать панику, но это не подрывает устои других государств. А у «Исламского государства» есть достаточно сконцентрированная сила, с помощью которой оно могло бы потенциально расширить его территорию. А это представляет собой серьезную геополитическую проблему. В пределах Ирака и Сирии «Исламское государство» представляет собой некую общность районов с арабским суннитским населением. Но сейчас оно вплотную подошло к границам курдских и шиитских областей. Это стало определять геополитическую сложность исламистского государственного присутствия на обширной территории.

Коалиция и роль Турции

Соединенные Штаты ушли из Ирака, надеясь, что Багдад обеспечит равновесие сил в стране, в том числе путем предоставления ряду регионов различные степени автономии, формальной или неофициальной. Но появление «Исламского государства» резко и полностью изменило баланс сил в Ираке, что в конечном счете вынудило Соединенные Штаты вмешаться. Сначала было принято решение Вашингтона направить боевую авиацию для ударов по позициям исламистов, а также малочисленные наземные войска, чтобы обеспечить костяк создания региональной коалиции для борьбы с ИГ. На сегодня ключевой игрок этой коалиции — Турция. Анкара стала влиятельной региональной силой. У нее в распоряжении крупная экономика и мощные вооруженные силы в регионе. Стратегия Анкары при Реджепе Эрдогане всегда состояла в том, чтобы избегать конфликтов со своими соседями, и до сих пор Турция могла успешно делать это. Но Соединенные Штаты теперь хотят, чтобы Турция направила свои вооруженные силы, особенно сухопутные войска, для борьбы против «Исламского государства». Анкара где-то в этом заинтересована — чтобы конфликт в Ираке не перекинулся на турецкую территорию.

Турецкое правительство упорно удерживало и сирийский конфликт внутри САР, ограничивая собственное непосредственное участие в сирийской гражданской войне. Сейчас же Анкара оказалась в ситуации, когда ей угрожает давление ИГ на иракских курдов, которое в конечном счете начнет распространяться и на турецких курдов, составляющих до трети турецкого населения. Поэтому Турция находится в трудной ситуации. Если она вмешается своими вооруженными силами в войну против «Исламского государства», то ее армия впервые со времен Корейской войны вынуждена будет реально и полномасштабно воевать. А это — непростое испытание, тем более если турецкая армия понесет большие потери, что вполне вероятно. Риски реальны, а победа вовсе не гарантирована. Но у Реджепа Эрдогана руки чешутся от стремления вернуть Турции ту роль, которую она играла в

арабском мире во времена Османской империи. Но Соединенные Штаты в Ираке провалились, и нет никакой гарантии, что Турция в этом преуспеет. Фактически, Анкара может быть вовлечена в конфликт с арабскими государствами, из которого она будет не в состоянии тихо и аккуратно выйти. Вашингтон смог это сделать, но с большими имиджевыми потерями.

В то же самое время нестабильность на юго-востоке Турции и появление новой государственной власти в Сирии и Ираке в виде ИГ представляет фундаментальную угрозу Анкаре. Отсюда и та дилемма, перед которой оказалась Анкара. Кроме того, Турция хочет видеть свергнутым режим Башара Асада, тогда как Соединенные Штаты пока воздерживаются из опасения, что это распахнет двери для установления в Дамаске исламистского режима, исповедующего идеологию джихада. Тем самым «Исламское государство» оказалось в центре американо-турецких отношений, хотя не решены предыдущие проблемы, такие как напряженные отношения Турции с Израилем.

Изменение региональной роли Ирана

Появление «Исламского государства» также изменило и положение Ирана в регионе. Тегеран выступает за проиранский, доминируемый шиитами режим в Багдаде, что очень важно для его интересов и для иранской политики обеспечения национальной безопасности. С точки зрения Тегерана, «Исламское государство» обладает способностью нанести мощный удар по правительству в Багдаде и потенциально осложнить позиции Ирана в Ираке. Хотя пока это — лишь потенциальная угроза.

Небольшие подразделения иранских войск уже находятся в восточном Курдистане, а иранские пилоты управляли иракскими боевыми самолетами во время отражения продвижения ИГ на Багдад и другие крупные иракские города. И даже гипотетическая возможность сохранения «Исламского государства», контролирующего пусть даже часть Ирака, абсолютно недопустима для Тегерана, что ставит на одну доску интересы США и ИРИ. Обе

страны хотят разгрома «Исламского государства», чтобы правительство в Багдаде функционировало нормально на всей территории страны. У американцев нет проблем с Ираном, гарантирующим безопасность на юге Ирака, как у иранцев нет особых возражений против проамериканского Иракского Курдистана, по крайней мере, пока шиитское правительство Багдада контролирует южные нефтяные месторождения, обеспечивающие большую часть денежных поступлений.

Из-за появления «Исламского государства» Соединенные Штаты и Иран оказались связаны общими интересами. Были многочисленные сообщения об американо-иранском военном сотрудничестве против ИГ, в то время как главная проблема, разделяющая Вашингтон и Тегеран, — ядерная программа Ирана — была маргинализирована. Именно поэтому объявление об отсутствии соглашения по ИЯП и ее урегулировании сопровождалось спокойной реакцией США и Ирана. Ни Вашингтон, ни Тегеран не хотят напрягать сейчас свои отношения по ядерной проблеме, которая была ото-

У американцев нет проблем с Ираном, гарантирующим безопасность на юге Ирака

двинута на периферию из-за наличия общей угрозы в лице «Исламского государства».

Вполне естественно, что это сильно встревожило Саудовскую Аравию, третью основную державу в регионе после Ирана и Турции. Эр-Рияд рассматривает Тегеран как своего основного конкурента в Персидском заливе, который может потенциально дестабилизировать Саудовскую Аравию, в том числе через многочисленное шиитское население королевства. КСА традиционно на протяжении 70 лет рассматривают Соединенные Штаты как единственного гаранта своей национальной безопасности. Поэтому, напуганный потеплением отношений между Ираном и США, Эр-Рияд также опасается усиления самостоятельности Соединенных Штатов в плане источников получения энергии, которая резко уменьшила политическую важность Саудовской Аравии для США.

И чем более сильным будет «Исламское государство», тем более крепкими будут связи между Соединенными Штатами и Ираном. Вашингтон не сможет смириться с многонациональным исламским халифатом, который мог бы стать мощным государственным образованием нового типа, да еще и отвергающим американское присутствие в регионе. Чем больше угрозы исходит от «Исламского государства», тем больше Иран и Соединенные Штаты нуждаются друг в друге, что полностью противоречит интересам безопасности Саудовской Аравии. Эр-Рияду нужны напряженные отношения между США и ИРИ. Независимо от религиозного или идеологического фактора, гипотетический союз Тегерана с Вашингтоном формирует ту силу, которая угрожает выживанию саудовского режима. И у «Исламского государства» нет симпатий к саудовской королевской семье. И что важно — Исламский Халифат может расширяться в направлении Саудовской Аравии. И, похоже, это уже началось.

Место США на Ближнего Востока

Соединенные Штаты не будут участвовать в новой масштабной войне в Ираке. Вашингтон не добился установления там стабильности и прихода к власти проамериканского режима в первый раз; и на сей раз это тоже вряд ли достижимо. Американская авиация применяет силу против «Исламского государства», что должно символизировать власть и присутствие Америки в регионе, так же как и его пределы. Американская стратегия заключения союзов и коалиций против «Исламского государства» чрезвычайно сложна; она напоминает запутанный клубок, так как турки не хотят втягиваться в войну без значительных уступок со стороны Вашингтона, иранцы хотят добиться смягчения американских требований к ИЯП в обмен на их помощь против ИГ, а правители Саудовской Аравии опасаются усиления роли Ирана.

Но появление «Исламского государства» еще раз поместило Соединенные Штаты в центр региональной системы безопасности, и это вынудило три главных ближневосточных державы пересмотреть так или иначе свои отношения с Вашингтоном. Анкара хочет еще раз создать Оттоманскую модель управления арабами, в то время как Иран вынужден взаимодействовать с Соединенными Штатами, чтобы не допустить усиления суннитской части

Ирака и Саудовской Аравии. Тем временем «Исламское государство» усилило саудовский страх перед лицом возможного отказа Вашингтона от опоры на Эр-Рияд в регионе в пользу Ирана.

* * *

И все-таки маловероятно, что «Исламское государство» как единая территория, а не террористическая организация сможет выжить. Турция, Иран и Саудовская Аравия ждут, когда Соединенные Штаты «решат вопрос» Исламского Халифата авиаударами и наземными войсками. Это, конечно, не разрушит «Исламское государство», но сломает территориальное единство Халифата и вынудит ИГ вернуться к тактике партизанской войны и терроризму. Это уже частично происходит. Но Анкара не сможет избежать усиления своей сопричастности к конфликту; Тегеран должен будет как-то сосуществовать с Соединенными Штатами; а Эр-Рияд должен будет серьезно проанализировать свои слабые места. Что касается Соединенных Штатов, то они в любой момент могут просто уйти из региона, оставив его в состоянии нынешнего хаоса. Кстати, уйти, оставив регион в состоянии хаоса, даже выгодно США, так как, во-первых, именно они являются автором так называемой «теории управляемого хаоса» и прекрасно в нем себя чувствуют, и, во-вторых, это состояние оставляет возможность вернуться туда в любое время.

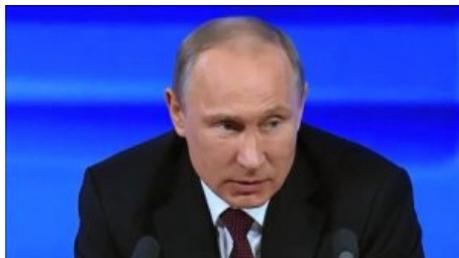

Владимир Алексеев

Россия взяла курс на сближение с Ираном

Похоже, Россия все-таки начала реальное движение в сторону Ирана, делая это пока в рамках общей линии отхода от Запада. Дважды посетив Китай, побывав в Латинской Америке и побывав с визитом в Турции, а на днях и в Индии, президент Владимир Путин наконец-то вспомнил о Тегеране.

29–30 ноября министр экономического развития РФ Алексей Улюкаев посетил Тегеран. После провала переговоров в Вене по ИЯП иллюзий о возможной нормализации отношений с США и ЕС и скором приходе западного бизнеса в иранскую экономику поубавилось. Зато значение совместных российско-иранских экономических проектов, наоборот, возросло. «Иран — наш приоритетный партнер в регионе, мы с Ираном нацелены развивать отношения практически во всех сферах и это наш принципиальный выбор». Эти слова были высказаны Владимиром Путиным 20 декабря 2013 г. на ежегодной пресс-конференции. Но в политике всегда существует определенная разница между словами и делами, а в ирано-российских отношениях это еще и путь с многочисленными препонами.

Россия устремляется на Ближний и Средний Восток

1 декабря Россия объявила о закрытии проекта «Южный поток» из-за позиции Болгарии. В этот же день в ходе визита президента РФ Владимира Путина в Турцию был подписан меморандум о взаимопонимании между российским Газпромом и турецкой BOTAS, подразумевающий строительство газопровода через Черное море в направлении Турции объемом 63 миллиарда кубических метров газа в год. Это стало еще одним разворотом Кремля на Восток. Возможно, в этом контексте Москва ставит перед собой цель расширения ЕАЭС. Турция является одним из потенциальных членов этого интеграционного объединения. Как, впрочем, и Иран. В любом случае, усиление альянса Россия–Турция — теперь новый фактор в европейской политике и в политике всего Ближнего Востока. С этим новым фактором на Ближнем Востоке придется считаться как США, так и ЕС.

Но главным элементом новой холодной войны, развязанной США и их натовскими вассалами, является ужесточение борьбы ведущих геополитических игроков за Иран. США и Россия увеличивают число своих партнеров в мире, но роль Ирана здесь решающая. Уже ясно — Россия и США вступили в борьбу за перетягивание Ирана на свою сторону. Но Иран пока по сути ответил отказом и США, и России. Об этом говорят последние события в

российско-иранских отношениях, в частности, все в Москве ожидали, что спикера Госдумы РФ Сергея Нарышкина в ходе его визита в Иран примут если не верховный лидер Ирана, то хотя бы президент. И тот, и другой не приняли Сергея Нарышкина. Кроме того, Иран в достаточно конкретной форме ответил России отказом на все предложения, с которыми приехал российский высокий гость.

В то же время, в Тегеране понимают, что «треугольник» Россия–Турция–Иран может изменить расстановку сил не только в Европе, но и во всем мире. Изменится и роль США на международной арене. Мечта Обамы о единоличном лидерстве потерпит полное фиаско.

Взаимное политическое недоверие

Дипломатическое и экономическое давление извне, в условиях которого действуют Тегеран и Москва, серьезные внутренние дискуссии о внешнеполитических ориентирах, идущие внутри политических элит в России и Иране, — все это влияет на темпы развития партнерских отношений между двумя странами. «Проблемы диалога» существуют и в Москве, и в Тегеране, и не видеть этого было бы наивно. Часть иранских элит, причем весьма малочисленная, убеждена, что приоритетной задачей для Ирана являются успешные переговоры с «западным крылом» «шестерки» посредников по иранской ядерной проблеме. Поскольку это, по их мнению, позволит устранить основное препятствие в развитии иранской экономики — санкции. Поэтому эти элиты, имеющие значительное влияние на администрацию нынешнего президента Хасана Роухани, полагают, что сближение Ирана с Россией вызывает достаточно нервную реакцию Вашингтона и это может негативно повлиять на переговорный процесс.

Но было бы ошибочным списывать иранскую часть проблем в диалоге между Тегераном и Москвой исключительно на «прозападно-либеральное лобби» в ИРИ, поскольку многие действия и официальных российских властей, и российских государственных компаний в последние годы сформировали в Иране представление о России как об откровенно ненадежном партнере. Достаточно напоминать в этой связи историю с зенитно-ракетными комплексами С-300, когда Москва поддалась давлению Запада и щедрым посулам Саудовской Аравии. Да и другие вещи оставили у иранцев достаточно горький осадок. Например, в ноябре 2009 года был подписан меморандум между «Газпромнефтью» и Иранской национальной нефтегазовой компанией о сотрудничестве на блоке Анаран. В августе 2011 года Иран разорвал меморандум из-за «безуспешности переговоров». Показательна и история с «ЛУКОЙЛ», который сегодня громогласно заявляет о своих намерениях возобновить работу с Ираном». С 2003 года «ЛУКОЙЛ» в консорциуме с норвежской компанией Statoil проводил в Иране геологоразведочные работы все на том же, упомянутом выше блоке Анаран. В этом проекте российской компании принадлежало 25%. По итогам работ были открыты нефтяные месторождения Азар и Шангуле. Но в 2007 году «ЛУКОЙЛ» в одностороннем порядке вышел из этого проекта, якобы в связи с введением международных санкций. Но в действительности же санкции были не международными, а односторонними, введенными в отношении Ирана США и ЕС. Это далеко не единичный случай своеобразной политической зависимости российских компаний от настроений американских иранофобов. Например, российские

банки, которые явочным порядком с конца 2012 года практически полностью присоединились к санкциям США в отношении иранской финансовой системы, игнорируя при этом позицию Кремля в отношении односторонних санкций Запада, поставив в трудное положение более сотни российских компаний, завязанных на торговые операции с Ираном.

В целом же из истории российско-иранских попыток сближения и расширения партнерских отношений за последние пять-семь лет можно извлечь два основных урока: «оглядка» в двусторонних отношениях на Вашингтон и боязнь американского «неодобрения» оборачивается для РФ и Ирана финансовыми, репутационными и политическими издержками, которые тот же Вашингтон ни при каких обстоятельствах «в знак благодарности» не компенсирует; в силу целого ряда причин партнерство в торгово-экономической сфере между Тегераном и Москвой возможно только под патронажем высшего руководства и государственной поддержки, как Российской Федерации, так и Исламской Республики. И значение визита в Тегеран Алексея Улюкаева (29–30 ноября с.г.) заключается в том, что толчок для реализации совместных с Ираном проектов дан теперь на правительственном уровне.

Нужно сформулировать «иранский проект» России и «российский проект» Ирана

Кроме того, надо откровенно признать — на сегодня четко сформулированного «иранского проекта» в России еще нет. Хотя «иранский портфель контрактов» уже формируется. Сегодня в нем на первом месте стоит «атомный контракт». Россия продолжит сооружение и второй очереди Бушерской АЭС, и строительство новых АЭС. Далее — «Энергетический мост» между Россией и Ираном, переговоры о строительстве которого в нынешнем году уже вел в Иране российский министр энергетики Александр Новак. Речь идет о контракте стоимостью 8–10 миллиардов долларов, который предусматривает экспорт 500 МВт российской электроэнергии в Иран, строительство новых генерирующих мощностей и практически полную модернизацию иранских распределительных электросетей. Сомнительной частью данного контракта является, правда, участие в нем Азербайджана, через территорию которого и будет осуществляться транзит электроэнергии. Проблема ведь в том, что Баку серьезно зависит от США и Турции.

И, наконец, «железнодорожный контракт», оценивающийся в 1,5 миллиарда долларов. Он предусматривает российское участие в модернизации железных дорог Ирана, в том числе электрификацию части этих путей, что позволит Ирану снизить себестоимость движения и увеличить скорость на данных участках. Кстати, в рамках этого проекта в феврале нынешнего года прошли и переговоры о приобретении иранцами российской рельсовой продукции.

Что же касается так называемого «Большого нефтяного контракта» стоимостью 20 миллиардов долларов и 500 тысяч баррелей иранской нефти в день, оплата которой будет производиться российской промышленной продукцией и инжиниринговыми услугами, то он пока якобы отложен из-за ситуации с мировыми ценами на нефть. Однако нервная реакция госсекретаря США Джона Керри и небезызвестной Джен Псаки, уже с 1 декабря громогласно

угрожавших России «новыми санкциями», если Москва и Тегеран начнут реализовывать «Большой нефтяной контракт», показывает, что в США намерения России и Ирана оценивают как устойчивые и необратимые.

Вернулся к жизни и проект перехода во взаиморасчетах во внешней торговле между странами на национальные валюты. Эта задача облегчается тем, что к переходу на такую форму взаиморасчетов Россия готовится с Китаем. А, кроме того, с сентября нынешнего года начала свою деятельность рабочая группа по выработке такой формы экономических отношений с Турцией. Предполагается, что и переход на национальные валюты во взаиморасчетах, и регулируемая правительствами России и Ирана девальвация этих валют в определенной мере способны снизить издержки экономики в условиях падения цен на нефть.

Потенциал иранского рынка для российской экономики по самым осторожным прогнозам составляет от 20 до 25 миллиардов долларов. Текущий товарооборот по итогам прошлого года составил 1,59 миллиарда долларов, сократившись по сравнению с 2012 годом на 31,5%. Цифры говорят сами за себя — двустороннее торгово-экономическое партнерство со страной, которую Владимир Путин назвал «приоритетным партнером в регионе», за последние два года, по сути, провалено и сегодня носит в основном лишь словесный характер.

Кстати, потенциал российского рынка для экономики Ирана тоже пока неясен даже самим иранцам, а «российский проект» Ирана тоже не определен. Так, 2 декабря замминистра промышленности, рудников и торговли Ирана Моджтаба Хосроутадж заявил о необходимости развития торговли с Россией, но признал, что в Иране нет четкой программы выхода на российский рынок. Но уже известно, что иранские экспортные поставки в Россию будет обслуживать «Мир Бизнес Банк» (дочерняя организация иранского банка «Мелли»). Таким образом, у иранских экспортеров не будет проблем с кредитами. При этом российская сторона предложила свой банк, и в настоящее время ведутся необходимые согласования с целью организации будущей работы в банковской сфере. Но, несмотря на предпринимаемые со стороны Ирана и России шаги, объем торговли между двумя странами все еще остается неудовлетворительным.

* * *

Но главное заключается все-таки не в трудностях, а в том, что Россия и Иран имеют гораздо больше совместных интересов, как политических, так и экономических, чем препятствий на пути формирования отношений стратегического партнерства между Москвой и Тегераном. Нужно срочно придать импульс этому процессу на высшем уровне. Как президент Владимир Путин совершил «рывок» в Анкару, сделав там важные заявления, так же, похоже, настало время для его приезда в Тегеран с новыми политическими инициативами и предложениями глобального экономического плана. Например, о создании газовой оси РФ-ИРИ, тесной координации нефтяной политики и совместной поставке газа Пакистану, Индии и странам ЮВА вместо Евросоюза. Не говоря уже о начале реального и крупномасштабного военно-технического сотрудничества.

Александр Проханов

Иранский лев

Почему Сергей Есенин, русский из русских, испытывал к Ирану таинственное влечение, утонченное обожание?

К его лазури, изумрудам, к его гончарным дворцам и зеркальным мечетям, к его божественной женственности? Что заставило рязанского художника написать свои восхитительные персидские мотивы, несравненные персидские напевы? «В Хоросане есть такие двери, где осыпан розами порог», «Шаганэ моя, Шаганэ», «От того, что я с севера, что ли», «Я спросил сегодня у менялы, что дает за полтумана по рублю», «И сказала, что Саади целовал лишь только в грудь, подожди ты, Бога ради, обучусь когда-нибудь».

Я читал эти восхитительные стихи в беломраморном склепе у надгробия Саади. Мне вторил мой друг иранец, читая на фарси стихи несравненного Саади, и глаза его лучились восторгом. Тут же в пыльных предгорьях находится загадочный град Персеполис, или Персиполь — древняя столица Ирана, возведенная царем Дарием. Развалины, обломки храмов, дворцов, вознесенные к небу капители, барельефы, гигантские камни. Эту столицу уничтожило нашествие Александра Македонского, который стер с лица земли великое царство. Но, глядя на эти твердыни, на эти массивы, ты понимаешь укорененность иранской цивилизации в человечество. Ее тяжеловесность, ее незабываемость. Цивилизации, которую не смогли смести ни войны, ни атаки, ни смены вероисповедания.

Я читал эти восхитительные стихи в беломраморном склепе у надгробия Саади. Мне вторил мой друг иранец, читая на фарси стихи несравненного Саади, и глаза его лучились восторгом. Тут же в пыльных предгорьях находится загадочный град Персеполис, или Персиполь — древняя столица Ирана, возведенная царем Дарием. Развалины, обломки храмов, дворцов, вознесенные к небу капители, барельефы, гигантские камни. Эту столицу уничтожило нашествие Александра Македонского, который стер с лица земли великое царство. Но, глядя на эти твердыни, на эти массивы, ты понимаешь укорененность иранской цивилизации в человечество. Ее тяжеловесность, ее незабываемость. Цивилизации, которую не смогли смести ни войны, ни атаки, ни смены вероисповедания.

Древние иранцы исповедовали культ света, молились солнцу — божественному свету, играющему в центре неба, посылающему на землю лучи красоты, силы и жизни. Среди барельефов — удивительных, вошедших в хрестоматию всех искусствоведческих трактатов мира — я увидел иранского льва. С человеческим лицом, он был высечен из черного камня. Животное смотрело на меня, словно звало к себе. Я коснулся его рукой, и мне показалось, что ото льва исходит теплота, что он послал мне свое таинственное биение.

Недалеко от Тегерана находится священный город Кум. Это место удивительное. В Куме множество мечетей, гробниц, святынь, мусульманских университетов, школ. Здесь обитают иранские муллы, многомудрые аятоллы — вершители политических и духовных судеб Ирана. Здесь же обитает верховный аятолла — духовный лидер страны имам Хаменеи. Я встречался с муллами в библиотеках, где хранятся старинные манускрипты, а в аудиториях работают современные компьютеры и по коммуникационным системам можно связаться с любым университетом мира, не только мусульманским, не только исламским, но и христианским, и иудейским.

Здесь вырабатываются удивительные духовные материи. Если на заводах из земного вещества строятся самолеты, ядерные реакторы, автомобили, если в кабинетах власти создаются политические технологии, плетутся политические интриги, то здесь, в Куме, создается особая субстанция. Муллы словно вылавливают из небес витающий там смысл, раскрывают суть священных писаний, священных сур, перелистывают Коран, извлекая из него сокрытые до времени тайны. Они создают из этих материй постулаты. И эти постулаты низводят в политику, наполняют ими жизнь правительственных кабинетов, военных казарм, гражданских университетов и заведений.

Я спросил у аятоллы, легко ли ему чувствовать себя обнаженным электрическим проводом, по которому из небес мчится в мир раскаленная плазма, раскаленная райская сила. Аятолла посмотрел на меня задумчиво, тихо улыбнулся и сказал: нет, не легко.

В Куме есть несколько зеркальных мечетей. Их внутренний интерьер состоит из тысяч зеркал. Когда ты оказываешься в этом таинственном спектральном приборе, то испытываешь удивительное ощущение. Солнечный луч, залетая в мечеть, начинает дробиться, отражаться, разлетаться на множество лучистых осколков. Витает по всей мечети, захватывает находящихся в ней молящихся людей, захватывает меня, стоящего среди зеркал. И, захватив, уносится обратно в мироздание, помещает мое отражение среди лазури, где сияет извечное солнце.

Мне довелось познакомиться и подружиться с уникальным человеком, кого я мысленно называю иранским львом, — с недавним президентом Ирана

Махмудом Ахмадинежадом. Вот уже почти год он находится не у дел после бурной восьмилетней деятельности. Он принял меня сначала в своем офисе, а потом пригласил домой, и я смотрел, как его тонкая, украшенная перстнем рука наливает мне в чашку ароматный зеленый чай.

Мы говорили с ним о политике, о культуре, философствовали. Но о чем бы мы ни заводили речь — о военных приготовлениях, об иранской ядерной программе, об угрозе войны, об экономических санкциях, которые обрушились на Иран, — он через две-три фразы уходил в возвышенные поднебесные сферы. Он формулировал доктрины, которые управляли его деятельностью, которые управляют иранской политикой и иранскими сущностями.

Смыслы, о которых он говорил, связаны с идеей справедливости — с божественной справедливостью, которая является ключевым понятием в священном Коране. Там, где происходит угнетение человека, там, где осуществляется насилие, там, где кого-то мучают, убивают, третируют или оскорбляют, — там нарушается божественная справедливость. И смысл человеческой истории — преодолевать эту несправедливость, преобразаться, восходить к высшим состояниям духа. Он оценивал европейских политиков скептически и иронично. Среди них нет ни одного, кто был бы воплощением народной мечты и народного духа. Они приходят, проводят в своих

Смыслы, о которых он говорил, связаны с идеей справедливости — с божественной справедливостью, которая является ключевым понятием в священном Коране

кабинетах положенное им время и исчезают, оставаясь незамеченными и забытыми. Лишь один политик внушает ему уважение как лидер, снискавший народное расположение и выражающий народную волю, — это президент Путин.

Ахмадинежад говорит о необходимости сближения России и Ирана, говорит, что Иран земной есть земное царство, наполненное людьми, страстями, переживаниями, войнами. Но существует Иран небесный, где происходит преображение. Все земные страсти, пороки и неурядицы остаются здесь, внизу, а там возникает чистый свет, чистая красота. И существует Россия. Россия земная, которая, как и Иран, переживает свои трагедии, неурядицы, свою мучительную борьбу. Но есть Россия небесная, где происходит преображение всего земного и сотворяется небесная красота, не ведающая смерти. Эти две таинственных небесных страны — небесный Иран и небесная Россия — неизбежно сольются в одно удивительное райское чудо.

Я побывал на атомной станции в Бушере. Берег Персидского залива, жара, влага, нечем дышать, мгновенно пропитываешься едкой йодистой, веющей с моря влагой. Среди туманного, наполненного морской пылью воздуха, высятся две громады, похожие на недостроенные мечети, — это Бушерская атомная станция, первый и второй ее блоки. Их строительство давно было начато немцами, которые в момент, когда американцы объявили первый вал антииранских санкций, бросили работы, отказались от своих подрядов и скрылись из Ирана. И руины, две исполинские развалины, долгое время оставались немymi.

На подмогу пришла Россия, русские атомщики-энергетики — они построили первый блок Бушерской станции. Было очень трудно, потому что от немцев остались недостроенные коммуникации, множество проводов, патрубков, труб, сделанных на немецких заводах, по немецким стандартам. Приходилось наше русское атомное сердце — реакторы, турбины, генераторы — вкладывать в уже построенное, но еще мертвое тело. Сложнейший процесс состыковки — трансплантация этого сердца — занял немало лет. И теперь Бушер работает, электричество питает индустрию Ирана, его города и селения.

Во время иракско-иранской войны станцию бомбили иракские самолеты, в этих бомбежках погибли работающие там инженеры и техники. Теперь их имена высечены на стенах, их называют шахидами — мучениками за веру. Когда я читал их имена, смотрел на лица, подумал, что эта станция, на которую пролилась кровь ее строителей, ее инженеров, и впрямь напоминает мечеть. Я спросил сопровождающего меня инженера: а можно ли эту станцию называть атомной мечетью? Подумав, он сказал: да, можно.

Во время загадочной мистерии таинственного мусульманского праздника ашуры я шел в громадной толпе, которая лилась по улицам Тегерана, мимо банков, коммерческих учреждений, супермаркетов, торговых центров. В

Эти две таинственных небесных страны — небесный Иран и небесная Россия — неизбежно сольются в одно удивительное райское чудо

толпе поминали мученически погибшего имама Хусейна. Но поминали его особым образом: люди хлестали себя плетьюми по плечам, причиняли себе боль, страдание. Это не был фанатический мазохизм. Этот обряд на Западе часто подвергается осмеянию, ставится в вину иранской культуре, иранскому мирознанию. Но обряд этот связан с чувством сострадания, которое должно возникнуть в человеке, живущем в мире, где продолжается насилие, истязание.

Есть тюрьмы, где пытаются заключенных, есть лазареты, где люди умирают от ран, есть целые регионы, где люди погибают от голода и от жажды. И, нанося себе удары, я чувствовал сострадание, шагая в толпе. Я шел плечом к плечу с иранскими молодыми людьми, со старцами и с почти детьми, и читал молитву «Отче наш». Мне было хорошо среди них, я ощущал себя частью освобождающегося от насилия человечества.

Иран и Россия обречены на сближение. Не только потому, что мы соседи, не только потому, что нас омывает Каспийское море, у нас длинная общая история. Россия и Иран сегодня подвергаются одинаково унижительным санкциям, исходящим от Америки и Запада. Военные базы Америки, окружающие Иран и Россию, направлены в равной степени на Москву и на Тегеран. Американские ракеты и самолеты, готовые взлететь с баз, поразят одним ударом и русские цели, и иранские. Образовавшееся, как страшная огненная язва, «Исламское государство», этот халифат, одинаково опасен для России и для Ирана. И мы готовы сопротивляться радикальной исламской экспансии, которая угрожает устоям наших вероисповеданий.

Сближение Ирана и России неизбежно, так же как неизбежным оказалось сближение России и Китая. И когда это сближение состоится, когда будут заключены основополагающие пакты этого сближения, я мечтал бы увидеть отлитую в честь этого события золотую медаль. На одной ее стороне будет изображен иранский лев, на другой стороне — русский медведь, а по кромке медали на иранском и на русском будет высечена надпись: «Не в силе Бог, а в правде».

Я очарован Ираном, быть может, тем же очарованием, каким был очарован Сергей Есенин. Меня влечет возвышенность этой цивилизации, возвышенность представления иранцев о смысле жизни, о смерти и о бессмертии. Мои первые поездки были ошеломляющими для меня, я завел в Иране множество друзей среди философов, политиков, военных. Я полюбил этих людей, а им оказались интересными мои суждения о сегодняшнем мире и о моей ненаглядной России.

И опять я в Иране, куда был приглашен Махмудом Ахмадинежадом. Ахмадинежаду хотелось поговорить с человеком, который бы не докучал ему вопросами актуальной политики, изнурительной информацией о банках, о счетах, о количестве киловатт, вырабатываемых электростанциями, о подлетном времени ракет. Ему хотелось высказаться на философские и богословские темы. И он обрел во мне достойного слушателя, потому что я готов был внимать ему, сверять с ним мои представления о моей родине. Ибо мистика иранской истории и русское мессианство — это два потока, которые сливаются в один, наполняющий мироздание красотой и бессмертием.

Игорь Николаев

Новый раунд переговоров в Женеве: нюансы и авансы

Официальный срок открытия нового раунда переговоров по иранской ядерной программе — 17 декабря. Но уже с понедельника начались двусторонние консультации американских и иранских переговорщиков. В нынешнем, женевском, раунде ставка сторонами, судя по всему, сделана на достижение в первую очередь договоренностей между США и Ираном. Насколько это поможет заключению окончательного соглашения — большой вопрос, хотя авансами стороны уже обменялись.

В преддверии начала нового раунда переговоров иранский министр иностранных дел Джавад Зариф достаточно оптимистично заявил, что «соглашение может быть достигнуто в течение нескольких недель». Чуть сдержаннее, но не менее оптимистично перспективы переговоров оценила и американская сторона. Остальные участники этого затянувшегося и порядком уже надоевшего процесса предпочли сдержанно промолчать, что вполне объяснимо — слишком уж велика пропасть в подходах и позициях, как бы ни убеждали нас в обратном.

Один из главных уроков безрезультатно закончившихся переговоров в Вене в ноябре нынешнего года заключался в том, что и Иран, и США сделали ставку прежде всего на двусторонние переговоры. Периодически на консультации приглашалась бывший еврокомиссар по иностранным делам Кэтрин Эштон, но даже со стороны было заметно, что для договаривающихся сторон это простая протокольная формальность. Поскольку главное препятствие заключению соглашений состояло именно в позиции Вашингтона. Вена сформулировала своего рода «домашнее задание» для администрации Белого дома и команды Хасана Роухани: решить уравнение «иранское обогащение — американские санкции». Остальным участникам процесса в таком раскладе переговорщики двух стран отвели роль простых наблюдателей.

Вопрос о петле на шее

С определенных позиций такая тактика выглядит достаточно логично, поскольку никто из собравшихся в Женеве не заинтересован в достижении договоренностей больше, чем представители администрации Обамы и команда нынешнего иранского президента Хасана Роухани. Ни у кого из

остальных участников переговоров от достижения соглашения не зависит дальнейшая политическая судьба так, как это обстоит сегодня у двух влиятельных в своих странах сил — команды «реформаторов-прагматиков» в Иране и демократической партии США в преддверии предстоящих президентских выборах.

Условия решения того самого уравнения, о котором говорилось выше, выглядят следующим образом: Иран требует признать его право на промышленное обогащение в принципе, хотя и не намерен заниматься им в ближайшие несколько лет. Но он не будет принимать никаких необратимых или затратных шагов (вроде демонтажа оборудования и инфраструктуры ядерного исследовательского комплекса) до тех пор, пока не будут отменены (а не просто приостановлены) введенные против него санкции.

США, со своей стороны, настаивают на том, что «архитектура» санкций должна оставаться без изменений, а их отмена возможна только в случае, когда после многолетних проверок у Вашингтона и остальных «заинтересованных лиц» сложится некое «внутреннее убеждение», что ядерная программа Ирана не выходит за рамки обеспечения потребностей Исламской республики в дополнительных источниках электроэнергии. Ну, а пока такого «внутреннего убеждения не сложилось», Тегерану, по американскому мнению, достаточно будет и частичной приостановки ряда санкций.

То есть, по сути, все вопросы по ядерной программе Ирана свелись к тому, что Вашингтон хотел бы сохранить на неопределенный срок мощный инструмент давления на Тегеран, а последний с этим, вполне естественно, согласиться никак не может. Проще говоря — США настаивают на том, чтобы «удавка санкций» так и оставалась на иранской шее, правда, ее готовы чуть ослабить. И искренне удивляются тому, что Иран соглашаться на это не желает. Внешне, как было уже сказано, все выглядит именно таким образом, что решение может быть найдено только в прямом диалоге между иранской и американской делегациями, своего рода «сепаратном соглашении». Но так ли это на самом деле?

«Капризы» МАГАТЭ

Публично заявляя о «демократизме международных отношений» и порою веря в то, что сами говорят, официальные представители США предложили остальному миру в вопросе иранской ядерной программы незатейливую схему. «Хорошо», — говорят они, — «вы считаете, что к Тегерану мы относимся предвзято. Поэтому пусть все спорные вопросы решает независимая международная организация — МАГАТЭ. И на основании заключений, сделанных его компетентными специалистами, мы и будем принимать решения».

О «независимости» Агентства, большая часть бюджета которого состоит из взносов США, об «объективности» организации, которая и существует-то исключительно из-за споров вокруг иранской программы, говорить сейчас не будем. Сказано на эту тему уже немало, а о председателе этой международной структуры Юкио «флюгер» Аmano можно заметить лишь то, что если он в вопросах иранского ядерного досье и колеблется, то только исключительно вместе с колебаниями генеральной линии Вашингтона. Ак-

туальнее сегодня — о компетенции как самого Агентства, так и его «объективных специалистов».

Накануне женевского раунда, а именно 11 декабря нынешнего года, Агентство официально уведомило, что в планы его инспекторов не входит посещение объекта в районе Маривана, куда их официально пригласили иранские власти. Суть здесь вот в чем: в 2011 году в своем закрытом специальном докладе, «эксперты» МАГАТЭ заявили, что в этом самом районе Иран проводит испытания фугасов, которые затем должны оснащаться ядерной «начинкой» (пункт 43 Приложения к этому докладу).

МАГАТЭ утверждало, что данная информация была получена от неназванного «государства» (пункт 13) и была подтверждена огромным, почти в тысячу страниц (пункт 12), пакетом документов, вплоть до финансовых отчетов по закупке материалов для испытаний, транспортных накладных и прочих «доказательств». Этот закрытый доклад, который нигде официально не публиковался, послужил одним из весомых аргументов для спешной разработки пакета так называемых «калечащих санкций» США и ЕС, введенных против Ирана в 2012 году. Более того — именно данными этого доклада оперировал Израиль, когда в конце 2011 года требовал немедленного нанесения ракетно-бомбовых ударов по Ирану.

Что же теперь? А теперь оказывается, что «компетентные специалисты МАГАТЭ» проверять свой же доклад не желают. Следы «разработки Ираном ядерного оружия» они пытаются теперь найти в Парчине, где, опять же по сообщениям самых достоверных источников, десять лет назад то ли собирались взрывать, то ли уже взрывали ядерные заряды. Над докладами и «экспертными заключениями» МАГАТЭ уже давно смеются специалисты во всем мире, включая США. Кстати, именно несколько американских атомщиков выразили желание проверить объективность выводов специалистов Агентства, на что американские власти тут же наложили запрет. И вот эта организация назначена США для вынесения «компетентных суждений»?

Разумеется, нет. Ее предназначение — в нужный момент дать американской стороне «kozyри», которые обосновали бы очередные претензии к Ирану, очередное затягивание переговоров. Если не поможет, в ход пойдут «права человека», «ракетная программа Ирана», сирийский, иракский и еще с десятков вопросов, поскольку те в Вашингтоне, кто действительно формирует политику в отношении Ирана, а это, как вы понимаете, не тандем Обама-Керри, считают, что время работает на них и, соответственно, на ослабление Тегерана.

А в это время в Иране...

Согласившись на то, что в новом раунде упор следует сделать именно на двусторонние переговоры, команда Роухани в определенной степени сделала ставку на скорейшее достижение соглашения, даже если оно будет неполным, «рамочным», не дающим твердых гарантий того, что развязанная против Ирана «санкционная война» не вспыхнет с новой силой. Накануне начала переговоров в Женеве, выступая перед сотрудниками Центрального банка Ирана, президент Хасан Роухани заявил: «Вы должны быть готовы

взаимодействовать с остальным миром. Вы должны знать, что в ближайшее время в нашу страну придут многие иностранные и международные инвесторы». Это тоже аванс, на этот раз — для аудитории внутри страны.

Иначе и быть не могло, поскольку, собственно, вся дальнейшая политическая судьба иранского президента и пришедших с ним во власть «реформаторов» тесно связана с вопросом о том, будет ли достигнуто соглашение и удастся ли добиться значительного ослабления санкционного режима. Две главные внешнеполитические задачи, которые заявлял иранскому обществу полтора года назад перед своим избранием Хасан Роухани, — снятие санкций и разрядка напряженности в отношениях с Саудовской Аравией — остаются туманной перспективой. Оптимизм Вены, когда казалось, что до соглашения осталось лишь несколько часов, обернулся очередным продлением срока переговоров.

Личные усилия влиятельнейшей иранской политической фигуры — Али Акбара Хашеми-Рафсанджани — на «саудовском направлении» мало того, что оказались практически безрезультатными, так еще и сопровождались демонстративным жестом Эр-Рияда, согласием на создание базы британского военно-морского флота в Бахрейне, «горячей точке шиитской дуги». Саудовская Аравия и ее партнеры по Совету сотрудничества арабских государств Персидского залива недвусмысленно дали понять Тегерану, что намерены и дальше проводить политику «сдерживания» Ирана всеми, в том числе и военными, средствами.

Все эти внешнеполитические неудачи обернулись для администрации Роухани новой волной критики со стороны его политических оппонентов внутри страны. И это — на фоне нарастающих экономических проблем, в числе которых, помимо роста инфляции, скачки цен на хлеб и, безусловно, падение цен на нефть. Не случайно на днях Мохсен Резаи, секретарь Совета целесообразности принимаемых решений и один из авторов стратегии «экономики сопротивления», совершенно справедливо заметил, что отмена санкций не сможет оказать существенного положительного влияния на экономику, поскольку из-за падения цен на нефть иранского бюджета попросту не хватит для «затыкания дыр». В этих условиях Роухани просто вынужден «поставить все» на скорейшее соглашение с США. Но он в Иране — далеко не единственный и не самый главный из тех, кто принимает столь серьезные решения.

* * *

Все авансы, которые накануне начала нового раунда переговоров по ядерной программе Тегеране в Женеве успели дать и иранские переговорщики, и их американские коллеги, сопровождаются таким количеством нюансов и оговорок, что положительный исход самих этих переговоров представляется крайне маловероятным. Тактика двухстороннего диалога между США и Ираном имеет существенный порок — цели и задачи сторон столь противоположны, а в отношениях между ними накопилось столько противоречий, что этот диалог может затянуться очень надолго. И без особого результата, поскольку каждая из сторон искренне верит, что время работает только на нее.

Игорь Николаев

Что сказал и о чем промолчал об Иране Владимир Путин?

«С Ираном у нас не складывается», — написал в социальной сети один из пользователей, внимательно слушавший выступление российского Президента Владимира Путина на ежегодной «большой» пресс-конференции. Несколькими днями раньше оснований для пессимизма сторонникам российско-иранского сближения добавил министр нефти Ирана Бижан Зангане, опровергнувший, вопреки очевидным фактам, наличие «Большого нефтяного контракта» между двумя странами. Отношения между Россией и Ираном зашли в тупик или же не все так драматично?

Пессимисты предпочли проигнорировать то обстоятельство, что тема российско-иранских отношений вот уже второй год подряд является предметом обстоятельного ответа Владимира Путина на острые вопросы, задаваемые генеральным директором Iran.ru Раджабом Сафаровым. На нынешней пресс-конференции в контексте наших отношений с Востоком вообще упоминались только три страны: Китай, сотрудничество с которым постепенно приобретает характер стратегического союза. Турция, без сомнения являющаяся одним из главных наших экономических партнеров в регионе Ближнего и Среднего Востока. И Иран, пусть с ним, к сожалению, и не все так однозначно, как с двумя вышеперечисленными государствами. Уже сам по себе данный факт пристального внимания российского Президента к вопросам, так или иначе связанным с Ираном, можно трактовать как принципиальную позицию главы российского государства, приверженность его курсу на то, что отношения с Тегераном должны входить в число приоритетов нашей внешней политики на «восточном направлении». Но осознавать приоритет партнерства с Ираном, пусть об этом говорит и первое лицо в государстве, — еще не все, поскольку дальше начинается «проза рабочих будней», с которой далеко не все однозначно.

«Сырьевое мышление»

В отличие от прошлого года, когда сторонникам российско-иранского сближения главным было получить от Президента прямой ответ на то, как высшее руководство нашей страны относится к Ирану в принципе, как оно вообще воспринимает саму идею партнерства между нашими странами —

согласитесь, что это определенная новация, поскольку идея стратегического партнерства с Ираном еще несколько лет назад воспринималась как нечто фантастическое — в нынешнем году вопросы Раджаба Сафарова Владимиру Путину носили вполне «прикладной» характер.

«Ровно год тому назад Вы здесь, в этой аудитории, заявили о том, что Иран — наш сосед, он приоритетнейший наш партнер», — обратился Сафаров, — «Но год прошел, на самом деле товарооборот уменьшился, никаких особых контактов, которые могли бы привести к каким-то конкретным, крупным соглашениям, не получилось. Иран не зовут в ШОС, Ирана нет в Евразийском сообществе, Иран на самом деле не участвует в крупных энергетических проектах. Тот большой нефтяной контракт, который в начале этого года был подписан, так и не реализован. Более того... товарооборот, который в этом году есть, меньше чем полпроцента от товарооборота с другими странами у России».

Президент принял предложенный ему деловой тон и постарался ответить, исходя, в первую очередь, из экономических тенденций. Здесь-то и началось самое интересное: «Что касается товарооборота, то он действительно несколько снизился. Мы обсуждали это и с Президентом Ирана. Мы принимаем попытки улучшить товарооборот, его структуру и объемы. Это зависит не только от нас. Это зависит от той обстановки, которая складывается в мировой экономике. Это процессы чисто объективного характера, потому что Иран — это тоже нефтегазодобывающая страна, и в значительной степени экономика Ирана так или иначе завязана на мировой нефтегазовый сектор».

Фактически, Президент признал, что изначально подход к партнерству между нашими странами что в российском, что в иранском руководстве формировался исходя из «сырьевого мышления». И в Тегеране, и в Москве вот уже полтора десятка лет говорят о необходимости диверсификации экономики, о том, что «нефтегазовая игла» для бюджетов наших стран есть зло. Но когда дело доходит до начала нового стратегического межгосударственного проекта, масштабного и разностороннего российско-иранского партнерства, то первое, что приходит чиновникам в голову — все те же самые нефть и газ. То есть, приступая к строительству фундамента наших отношений, расширению экономических связей, и российские, и иранские чиновники сразу же ставили их в зависимость от весьма конъюнктурного фактора — цен на нефть.

Провал «старой повестки» двухстороннего сотрудничества

По большому счету трудности и недопонимания между нашими сторонами, которые мы сейчас и наблюдаем, были заложены изначально, благодаря этому самому «сырьевому мышлению». У России не успели возникнуть тесные партнерские отношения с Ираном, за исключением, пожалуй, Сирии, не сформировалась база для этих отношений, не возникло масштабных проектов, которые заставили бы нас совместно переживать за их судьбу. Груз прошлых лет, взаимных претензий и недоверия до конца еще не ликвидирован. Вопреки оптимистичным заявлениям

сторон товарооборот между нашими странами падал даже при благоприятной экономической конъюнктуре. Важные решения и со стороны Ирана, и со стороны России откладывались «на потом», в угоду временным обстоятельствам.

И поэтому ничего удивительного нет в том, что при первых же серьезных испытаниях — падение цен на нефть, проблемы в экономике наших стран, украинский кризис и, по сути, провал усилий Хасана Роухани по снятию санкций с Ирана — в диалоге между Тегераном и Москвой начали возникать паузы, умолчания и недопонимание. Неприятно? Да. Критично? Нет, поскольку наступило время поиска новых подходов, в первую очередь в экономике, что и признал Владимир Путин: «Мы ищем возможности диверсификации сотрудничества с Ираном и будем это делать, и мы делаем это искренне. Что-то получается, что-то нет. Мы работаем и в сфере машиностроения, в сфере авиастроения, мы ищем другие возможности диверсификации помимо нефтегазового сектора...»

Об этом не было сказано, но иногда умолчание красноречивее слов — сегодня с сожалением приходится признать, что «старая» повестка сотрудничества России и Ирана была никуда не годной. Она не прошла проверку не только временем, но и «жертвами» экономических и политических реалий. Новая же повестка — только создается и «писать» ее приходится в гораздо более неблагоприятных условиях, чем это было всего лишь год назад.

«Мы ищем возможности диверсификации сотрудничества с Ираном и будем это делать, и мы делаем это искренне. Что-то получается, что-то нет.»

Большого нефтяного контракта не будет

Совершенно понятно, что в ближайшее время ни о каком «Большом нефтяном контракте» не может быть и речи. Когда был закончен «очень сложный процесс поиска компромиссного, взаимоприемлемого решения», как выразился Владимир Путин, и осталось всего-то ничего, поскольку «...в конце концов он найден. Там очень все непросто с расчетами, там целый комплекс проблем, но в целом мы их решили...» вмешалась политическая конъюнктура, на этот раз — с иранской стороны.

«Но нужна воля с обеих сторон, нужно, чтобы эти контракты, в том числе в области нефти, были выгодными», — отметил российский Президент, явно намекая на позицию некоторых членов администрации иранского президента Хасана Роухани. И в первую очередь — на позицию министра нефти Ирана Бижана Зангане, который не далее как 10 декабря сделал беспрецедентное заявление: «Предположения о своповых поставках иранской нефти не соответствуют действительности, подобного рода соглашения никогда не реализовывались между двумя странами». То есть иранский министр полностью отрекся от «Большого нефтяного контракта» между Россией и Ираном, от той огромной работы, которую проделали его российские коллеги во главе в Александром Новаком и коллеги по собственному правительству, тот же министр энергетики Хамид Читчиян.

И все-таки оно движется

Российско-иранские отношения сегодня находятся не в самом лучшем состоянии. Жесткая критика того, как развивается диалог Москвы и Тегерана, звучащая и с нашей, и с иранской стороны, во многом справедлива и обоснована. Диалог в режиме «вопрос-ответ» между Владимиром Путиным и Раджабом Сафаровым на Большой итоговой пресс-конференции — дополнительное тому подтверждение. Вопросов в наших отношениях пока гораздо больше чем ответов.

Но те, кто критикует развитие диалога между двумя странами, те, кто критикует Путина за «нерешительность», Сафарова за «неуместные и несвоевременные предложения», других сторонников ирано-российского партнерства за что-то еще, порою забывают о главном. Во-первых, партнерство между Россией и Ираном — это внешнеполитическая новация. За всю историю наших отношений было много чего, но вот партнерства, то есть масштабного сотрудничества в политических, экономических вопросах, в решении проблем региональной безопасности на огромном пространстве от Афганистана до Сирии, от Каспия до Персидского залива — еще не было. И Москва, и Тегеран сейчас идут непроторенным путем, на котором просто не может быть все гладко и быстро.

Попутно очень хотелось бы сделать небольшую «заметку на полях». Как-то уж очень скоро подзабыли критики, что всего пару-тройку лет назад идея партнерства между нашими странами воспринималась в том же российском экспертном сообществе как откровенная фантастика, если не сказать хуже. Как-то уж очень скоро забылись те времена, когда Иран если и упоминался на крупных российских масс-медиа, то в большинстве своем в исключительно негативном контексте. Сегодня, второй год подряд, на главном медиа-событии года иранскую тему заинтересованно обсуждает российский Президент... Как говорится, «почувствуйте разницу» и дистанцию, пройденную всего за два-три года. Во-вторых, что добавляет оптимизма, партнерство между нашими странами объективно необходимо. И не только Тегерану и Москве. В этом партнерстве — ключ к безопасности Ближнего и Среднего Востока, ключ к решению тех проблем, которые составляют сегодня основные вызовы другим странам.

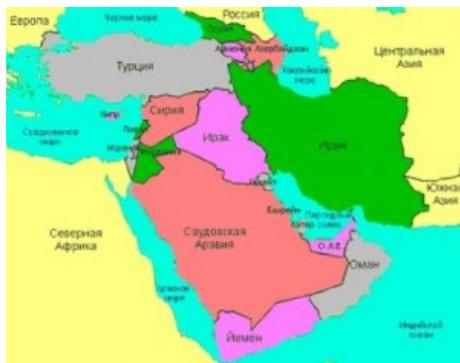
* * *

Процессы, происходящие в мировой экономике и политике, угрозы и вызовы в регионе Ближнего и Среднего Востока действительно сближают нас, вне зависимости от того, хотят ли этого сближения те или иные политические элиты в наших странах. Другое дело, что масштаб задач, которые нам предстоит решать огромен, а пути их реализации — достаточно сложны. Не менее сложны, чем строительство новых АЭС, «энергетического моста», реализации логистических проектов на том же Каспии. Но тут особый оптимизм вселяют как раз завершающие слова Владимира Путина в ответе на вопрос Раджаба Сафарова об Иране: «Мы сейчас подписали новые контракты на продолжение нашей совместной работы, и мы это сделаем... Так что будем работать!»

Владимир Алексеев

Провалы российской дипломатии на Ближнем Востоке

Хорошо известно, что внешняя политика любого государства должна обслуживать в первую очередь интересы его экономического развития и безопасности. И, если она построена на ошибочных оценках и выводах, то ее итоги дают весьма печальные результаты. Более того, иногда и разрушительного масштаба. То, что произошло из-за Украины, — лишнее тому подтверждение. Ведь если бы были правильно просчитаны масштабы, глубина и сроки антироссийских санкций, как Запад может использовать в своих интересах этот фактор, правильно определены те страны, которые примут в них участие, то, скорее всего, тактика и стратегия Москвы по Украине носили бы иной характер. И возникает вопрос — а только ли по Украине имеется такая картина, или ранее уже были подобные «проколы» в других регионах или совершены ошибки в отношении других стран?

Ближний Восток — масса ошибок

Для примера достаточно взять Ближний Восток, где расположены 20 арабских стран, Израиль и Иран. Огромный и богатый регион, связанный с Россией богатой историей всестороннего сотрудничества и взаимодействия. Район крайне важный для Москвы во всех отношениях. С точки зрения экономики, особенно энергетики, безопасности и военного значения. Такие страны, как Египет, Алжир, Ливия, Сирия, Ирак, Йемен были не только в орбите нашего влияния, но и занимали ведущие позиции в арабском и исламском мире, определяя его лицо. А вовсе не проамериканские режимы Саудовской Аравии и Катара, которые при опоре на США за несколько лет фактически уничтожили всех российских партнеров на Ближнем Востоке и усилили присутствие в нем США и Запада в целом.

Только один показатель — объем торгово-экономического сотрудничества РФ с этим регионом едва превышает 12 млрд долл, что сравнимо разве что с аналогичным показателем с такой страной как Бельгия и в два раза меньше чем с Финляндией. А ведь население Ближнего Востока — почти 300 млн чел, тогда как Бельгии — всего 8 млн чел.

Понятно, что развал СССР негативно сказался на сотрудничестве Москвы с Ближним Востоком. Но после этого прошло уже почти 25 лет. И валить

все просчеты на это или на бывшего главу МИД РФ А. Козырева с его прозападным уклоном как-то уже не «катит». Зато стоит посмотреть, как Москва строила свою политику на Ближнем Востоке в последние годы. Взять хотя бы «цветные» революции или «арабскую весну». Их жертвой стали именно те страны, которые поддерживали наиболее активные отношения с Москвой и с которыми Россия имела наиболее активные торгово-экономические отношения и ВТС. Египет, Ливия, Йемен, Сирия, Ирак. Сейчас в фокусе атак Запада находится наиболее важная для российских интересов ближневосточная страна — Иран. И что в этих условиях предпринимала и предпринимает Россия?

Сейчас в фокусе атак Запада находится наиболее важная для российских интересов ближневосточная страна — Иран

Если быть откровенным — почти ничего эффективного для защиты собственных интересов. Когда режим Хосни Мубарака трещал по швам, вдруг за два дня до его ухода в Каир прибывает высокопоставленная российская делегация. Зачем? Для участия в его «политических похоронах» и «освятить» победу исламистов? А теперь возьмем Ливию. Здесь действия российской дипломатии вообще выглядят странно. Ради некоего консенсуса в СБ ООН Россия сначала пропускает резолюцию,

инициированную Западом и Саудовской Аравией с Катаром, ограничившую способность Ливии к обороне от внешней агрессии, подрывающую ее экономический потенциал. А затем, воздержавшись при голосовании другого проекта резолюции Совета Безопасности, Москва, несмотря на печальный опыт с Ираком, дала возможность ввести над этой страной бесполетную зону, что привело в конечном счете к свержению законного ливийского правительства, с которым у России были контракты на многие миллиарды долларов в сфере нефтегазового сектора, транспорта, ВТС. А ведь было хорошо известно, что конфликт в Ливии затеяли аравийские монархии с опорой на НАТО, а вовсе не ливийские власти. Потеряны миллиарды долларов в виде финансово-экономического ущерба нашим компаниям, а кто за это ответил? Никто.

Теперь Йемен. Бывший президент Али Абдалла Салех дружелюбно относился с РФ, в силу возможностей развивая с нами ВТС и экономические связи. Однако, когда все те же Саудовская Аравия и Катар решили его свергнуть и привести к власти исламистов, Москва фактически молча смотрела на очередную «цветную» революцию и даже участвовала в принятии решений Запада и ССАГПЗ по смещению Али Абдалла Салеха под видом внутрийеменского урегулирования. Лишь недавний приход в Сану шиитских повстанцев-хуситов при поддержке Ирана позволил сорвать американо-саудовские планы по превращению Йемена в свой оплот, что дает России хоть какие-то шансы вернуться в эту страну.

Сирия — еще один пример, хотя здесь было сделано меньше ошибок. Видимо, сказалось то, что в сирийский вопрос вмешался лично президент В.Путин, чтобы не допустить свержения законного правительства в этой дружественной стране, важной для нас и с военной, и с экономической точки зрения. И еще активная помощь Ирана и Хизбаллы в отражении западно-ваххабитской агрессии. Но остается вопрос: а было ли правильно

решение Москвы принять участие в «химическом» разоружении Сирии под силовым шантажом США? Ведь в результате Дамаск лишился своего главного козыря в защите от внешней агрессии. И надо еще хорошо просчитать, а были ли в Вашингтоне в октябре 2013 года действительно готовы нанести ракетные удары по Сирии? Судя по всему — нет. Но Москва почему-то сочла это своей дипломатической победой. А сейчас, под предлогом борьбы с ИГИЛ, ВВС США и их союзники уже без всяких решений ООН спокойно бомбят территорию САР, в том числе уничтожая ее нефтяную инфраструктуру. И уже не секрет, что США, Саудовская Аравия и Турция готовятся к вторжению в Сирию для свержения Башара Асада.

Ирак — это вообще пример самого серьезного дипломатического просчета, если не сказать резче — провала. Наша дипломатия почему-то многие годы плелась на поводу США, уверовав в их лживую информацию о том, что Багдад располагает ОМУ. Это послужило поводом для американской оккупации Ирака, который тогда был основой нашего присутствия на Ближнем Востоке. Именно с потерей Ирака началось резкое сворачивание остатков российского влияния на Ближнем Востоке. С Россией просто перестали считаться. Особенно страны Аравийского полуострова, которые тогда боялись в первую очередь именно Садама, а не Ирана. Не говоря уже о том, что даже в условиях санкций Москва зарабатывала в Ираке гораздо больше, чем в любой другой стране региона, поставляя в рамках программы ООН «нефть в обмен на товары» многочисленные изделия машинно-технической продукции и реализуя крупные проекты инфраструктуры.

Новых партнеров на Ближнем Востоке Россия не приобрела

И что очень важно: Россия ничего не получила «взамен» своей пассивной линии как к «цветным» революциям, так и к конкретным арабским странам от стран ССАГПЗ, на финансовые ресурсы которых почему-то были сделаны большие ставки. Еще в 2007 году президент Владимир Путин посетил ряд арабских стран Персидского залива. Но осязаемых результатов не случилось, хотя все знают — российский лидер не любит протокольные поездки, а готов ехать только под конкретные соглашения и проекты. Лишь в Эр-Рияде было заключено соглашение с РЖД на строительство железной дороги, да и оно чуть позже было аннулировано саудовской стороной. И позднее, когда началась «арабская» весна, Саудовская Аравия, Катар и другие аравийские монархии обещали очень многое: инвестиции, экономические проекты и даже ВТС в обмен на то, что Москва последует их «рекомендациям» как вести себя на Ближнем Востоке. Был даже запущен диалог «Россия — ССАГПЗ» на уровне глав внешнеполитических ведомств. Но итог почти нулевой. Более того, Москва регулярно получала в ответ лишь то, что наносило мощные удары по нашим позициям в Сирии, Ираке, Иране. И ни цента из многообещающих посулов засыпать нам миллиардами долларов. Более того, Саудовская Аравия и Кувейт сейчас активно участвуют в реализации планов США по удушению российской экономики путем резкого снижения цен на нефть. А Катар регулярно демпингует на газовом рынке ЕС, выбрасывая свой СПГ по низкой цене, тем самым подрывая долгосрочные контракты «Газпрома» с европейскими потребителями

российского газа. Да и война в Сирии во многом затеяна ради того, чтобы проложить из Катара через КСА и Иорданию магистральный газопровод до Сирии, а оттуда — в Южную Европу, чтобы «убить» «Южный поток», поскольку Дамаск не соглашался на его прокладку по своей территории.

Иран — последняя надежда России

Наконец, возьмем Иран. Здесь наша дипломатия вообще действовала непоследовательно. То мы строили АЭС в Бушере, то «замораживали» строительство. То голосовали за введение финансово-экономических санкций против ИРИ через СБ ООН, в том числе в обмен на саудовские обещания закупить российское вооружение и катарские инвестиционные прожекты в РФ; то пытались наконец-то начать экономическое сотрудничество с Тегераном, хотя сами же вводили санкции против него. Логика никакой. Попав под западные санкции из-за Украины, Москва при этом продолжала участвовать в усилиях Запада под прикрытием «шестерки» международных посредников навязать Ирану американские условия сделки по ИЯП, которая фактически означала бы переход ИРИ в орбиту влияния США в ущерб интересам России, прежде всего экономическим. И еще Вашингтон может получить на южных рубежах РФ еще одного сильного союзника, в том числе для проникновения на Кавказ и в Центральную Азию. О том, что на Северный Кавказ могут хлынуть тысячи террористов из ИГИЛ и других экстремистских группировок, прошедших боевую подготовку в Ираке и Сирии, и говорить не нужно. Ведь хорошо известно, что Иран — одно из главных препятствий на пути террористов с Ближнего Востока в Россию. В отличие от Турции, через территорию которых боевики террористических групп спокойно инфильтрируются в Грузию, а оттуда в Чечню и Дагестан.

После того как США встали на тропу санкционной и экономической войны с Россией и заставили всех своих партнеров на Западе, в Европе и в послушном арабском мире делать то же самое, России, как минимум, нужно было без всякого раздумья тут же выйти в одностороннем порядке из всех санкционных режимов в отношении Ирана и максимально наращивать полномасштабное сотрудничество с этой страной во всех сферах, в первую очередь в торгово-экономической, научно-технической и ВТС. Вместо этого мы до сих пор как святая святых соблюдаем антииранские санкции, которые были введены по инициативе и давлению США и их партнеров. Кстати, одной из главных задач этих санкции было ослабление позиции России в этой ключевой стране. Те же американцы жутко боятся любого российско-иранского сближения, т.к. уверены, что Россия с Ираном — это мощнейший игрок на мировой арене, а без Ирана — просто обычный. Не может не удивлять и объем торгового оборота Москвы с Тегераном — всего 1,4 млрд долл. в год. Разве это показатель для страны с населением в 80 млн чел., ближайшим соседом России, обладающим всеми необходимыми ресурсами? Достаточно сравнить это с соседней Турцией, равнозначной Ирану, и являющейся членом НАТО. В 30 раз меньше. А разве нельзя закупать ту же с/х продукцию в ИРИ, где она дешевле и ничуть не хуже по качеству турецкой? И доставлять ее через Каспийское море достаточно дешево для всех регионов России — как западных, так и восточных.

И еще очень важный момент — ВТС. На сегодня иранский рынок оружия фактически остается единственным еще не освоенным. И российское оружие вполне могло занять бы на нем свою нишу: в ПВО, ВВС, сухопутных войсках и ВМС. Российское оружие дешевле западного и проще в обращении. Но здесь ничего не делается. разве что срыв сделки на поставку ЗРК «С-300» под давлением США и Израиля? Поэтому не надо будет удивляться, если Тегерану просто надоест ждать, когда Москва начнет шевелиться, и Иран пойдет в сторону Запада с его современными технологиями и инвестициями.

* * *

Конечно, можно привести доводы о том, что все это носило объективный характер, что у России другие приоритеты, что коварный Запад и ваххабитские режимы опять нас обманули. Но факт остается фактом: сейчас наше влияние на Ближнем Востоке минимально, как никогда. Хотя именно оттуда исходит основная террористическая угроза России, и именно оттуда против Москвы ведутся разрушительные игры по нефти и газу, опускающие российскую экономику ниже плинтуса. Может быть, пора наконец-то провести, как говорится, «разборку полетов» и определить, что же привело к столь печальным результатам российской политики на Ближнем Востоке? И сделать соответствующие выводы, начав возвращаться в этот регион.

Игорь Николаев

Иран-2014: Итоги и уроки уходящего года

Иран живет по другому календарю, год в котором завершается в марте. Но не будем ломать устоявшейся российской традиции, по которой декабрь — месяц итогов и сверки результатов. Уходящий 2014 для Исламской республики был годом непростым, надежды и разочарования, конфликты и достижения сменялись как в калейдоскопе. Что было главным в водовороте событий и какие уроки преподал нам этот год, до конца которого осталось лишь несколько листков календаря?

Падение мировых цен на нефть, случившееся под занавес года, ввергло экономические прогнозы в пропасть отчаяния. В сочетании с санкциями, которые в отношении Тегерана действуют давно, картина поначалу выглядела совершенно печально, породив панику и неуверенность. Прошло несколько дней, и стало понятным, что ничего смертельного не произошло. Пусть экономика, а точнее бюджет Ирана и остается сильно зависящим от «нефтяных и газовых» доходов, но эта зависимость не является такой уж критичной, как это пытаются представить иногда падкие до сенсации журналисты. Тем более, что Исламская республика, на самом деле, давно уже нашла эффективное лекарство от любого внешнего давления, будь то цены на нефть или калечащие санкции. «Экономика сопротивления», создание которой в качестве высшего приоритета провозгласил Верховный Лидер Али Хаменеи, — это действительно ключ к решению многих не только экономических, но и социальных проблем.

Команда «реформаторов и прагматиков», составляющая сегодня большую часть администрации президента Хасана Роухани, ошибочно полагают, что после отмены санкций экономика страны начнет расти сама собой, только за счет прихода иностранных инвесторов. История с иностранными инвестициями 90-х годов, особенно в отношении России, более чем наглядно показывает, что любой иностранный инвестор крайне эгоистичен. Главная его цель — извлечение прибыли, а отнюдь не решение экономических и социальных проблем той страны, в предприятия которой он вложил деньги. Первое, что он делает, «зайдя» на производство — это минимизирует расходы и социальную составляющую. Поэтому иностранные инвестиции для Ирана — это не «золотой ключик», а не более чем инструмент, особые

надежды на который возлагать не стоит, поскольку лучше всего, о чем совершенно правильно говорят наиболее дальновидные политические руководители Ирана — от Верховного Лидера Али Хаменеи до секретаря Совета по целесообразности — это опора прежде всего на собственные силы. И уж только потом на какие-то внешние факторы. Тем более, что как показал 2014 год, эти факторы, особенно если они в той или иной мере зависят от Вашингтона и его союзников, как правило оборачиваются против Тегерана.

И снова об «иранском атоме»

Набивший оскомину вопрос об «иранской ядерной программе», как, впрочем, и вязкий диалог Ирана с «шестеркой» международных посредников, в уходящем году открылись в совершенно неожиданном ракурсе. Несколько дней в ноябре многие из нас жили ожиданием новостей из Вены. По уверениям американских и даже иранских переговорщиков, до подписания итогового документа оставались считанные часы. Не состоялось.

Срок переговоров вновь был продлен, на этот раз до июля 2015 года. Джон «Лгунишка» Керри и его свита, как госдепартаментская, так и евросоюзная, пытались уверить нас, что сняты практически все вопросы, что дело лишь в мелких технических деталях. Врали, как обычно. Что характерно, уличили их в этом не кто-нибудь, а ближайшие союзники. Сначала официальные представители Эр-Рияда проговорились о том, что именно король Абдалла в разговоре с Джоном Керри наложил «вето» на соглашение с Ираном. Затем «неистовый Биби» Нетаньяху, почувствовавший себя обделенным сомнительной славой закулисного махинатора, на экспертном форуме публично объявил, что это он заставил американскую делегацию в последний момент отказаться от подписания итогового соглашения по иранскому ядерному досье.

Ему бы промолчать, поскольку подобными заявлениями он разоблачает истинные механизмы западной дипломатии, но «взыграло ретивое». И мир, который давно начал подозревать, что с переговорами явно творится что-то неладное, наконец-то увидел, что нет никаких переговоров — есть политическое шулерство Запада, да еще и изощренное, когда со стороны «краплевые карты» подкидывают. После Вены только уж самый наивный человек может считать, что США и его региональные союзники хотят «разрядки» отношений с Ираном. И только самый наивный может думать, что Запад пойдет на полную отмену санкций. Не будет этого. Не нужен ни Вашингтону, ни Лондону, ни Эр-Рияду и Тель-Авиву Иран без удавки санкций на шее. Тегеран может, что, собственно, он и сделал, полностью заморозить ядерную программу — ничего адекватного взамен он не получит. Это наше глубокое убеждение!

Кстати, под занавес уходящего года, после решения Белого дома восстановить дипломатические отношения с Кубой, ряд американских обозревателей заявили, что это, дескать, должно послужить «сигналом» для Тегерана. С этим трудно не согласится, но реакция на этот сигнал, скорее всего, будет совсем не такая, как хотелось бы этого Вашингтону. «Теперь Роухани и Зариф могут прийти к Верховному лидеру и сказать: «Кастро тоже был противником США, но пошел на восстановление отношений. Почему бы нам не сделать также?», — моделирует ситуацию один из серьезных специалистов по внешней политике США.

Откровенный абсурд, поскольку Рахбар Али Хаменеи скорее ответит не согласием, а в присущей ему манере, вдумчиво и неторопливо пояснит пришедшим, что Куба, располагающая куда как меньшим экономическим потенциалом и запасами природных ресурсов чем Иран, полвека противостояла развязанной против нее США экономической войне и тайным операциям, в числе которых — более десятка попыток устранения лидера кубинской революции. И выстояла. Почему же Иран должен в одностороннем порядке бежать вприпрыжку навстречу всем пожеланиям Вашингтона? Тем более, что программа развития ядерной энергетики Исламской республики сейчас вообще мало зависит и от пожеланий «сладкой парочки» Обама-Керри, и от настроений противоестественного союза Эр-Рияд — Тель-Авив. После подписания «атомного контракта» между Москвой и Тегераном это становится уже вопросом двусторонних отношений между нашими странами.

И это еще один урок уходящего года — ставка нынешнего иранского президента на диалог с Вашингтоном и особые отношения с саудитами себя не оправдала. Ничего драматичного, в политике такое бывает, поэтому нужно просто сменить ориентиры, отказаться от миражей и приступить к налаживанию отношений с другими международными игроками.

Линия «Москва-Тегеран» — высокое напряжение

Признаться, большим искушением было вынести тему российско-иранских отношений в 2014 году в самое начало статьи. Отказались, так как подробный разговор на эту тему требует отдельного материала, по характеру явно не вписывающегося в предновогоднее настроение. Он обязательно будет, но уже в следующем году, а пока ограничимся кратким подведением итогов.

Полной неожиданностью стало то, что одним из лидеров в деле российско-иранского сближения станет Россельхознадзор, представители которого в декабре нынешнего года совершили без преувеличения блиц-визит в Иран. В итоге, совсем скоро в Россию может поступать иранская сельхозпродукция, от рыбы и морепродуктов до овощей и зелени. Еще к тому же, вполне возможно, что и расчеты за поставки будут вестись в рублях. В торгово-экономической сфере, к сожалению, с учетом возможного «атомного контракта» на этом все хорошие новости по линии «Москва-Тегеран» практически и исчерпываются.

Официальные представители двух стран предпочитают в оценке существующих сейчас отношений использовать термин «технические проблемы», не замечая, что подобная оценка, по сути, повторение западного лукавства в вопросах переговоров по ядерной программе. Товарооборот между странами, заявившими о стремлении к «стратегическому» партнерству, упал ниже нижнего — в нынешнем году от окончательного падения за черту в один миллиард долларов его удержало только небольшое оживление в конце лета-начале осени. Ряд масштабных проектов в сфере энергетики и транспорта — не будем вспоминать здесь скандальную историю «большого нефтяного контракта», которая, думается, еще получит свое продолжение, — откровенно завис. Россия — под санкциями, но российские банки этого словно не замечают, и, в угоду своим западным акционерам, по-прежнему блокируют финансовые операции с Ираном. Это не технические проблемы, извините. Это системный кризис. В основе которого — некомпетентность

и безответственность чиновников с той и другой стороны. Безусловно, есть усилия «пятой колонны» и в Москве, и в Тегеране, направленные на срыв наметившегося партнерства. Безусловно, есть опасения части российских и иранских элит по поводу того, что сближение наших стран вызовет неудовольствие и репрессивные меры нынешних «хозяев жизни» — Вашингтона и его союзников.

Но это было всегда, а вот уходящий 2014 года выявил новую грань этой проблемы. Без наличия системного подхода, без введения персональной ответственности за развитие российско-иранских проектов, без общественного контроля за состоянием двусторонних отношений — все наши декларации о стратегическом партнерстве, с какого бы высокого уровня они не звучали, так и останутся пустым сотрясением воздуха. И это в равной степени справедливо как в отношении Москвы, так и в отношении Тегерана.

* * *

2014 год был для Ирана откровенно непростым. По сути, нет ни одного вопроса в экономике, социальной сфере, внешней политике, о котором можно было бы с уверенностью сказать, что «проблема решена». Но уникальной особенностью Исламской республики является ее способность в тяжелые времена мобилизоваться и в очередной, который уже раз опровергнуть прогнозы скептиков, найти решение для самых сложных проблем. Похоже, именно это, к радости сторонников российско-иранского сближения, и предстоит увидеть миру в наступающем 2015 году.

Редакция приглашает к сотрудничеству политиков, экспертов и читателей, которые разделяют цели и задачи журнала и полагают, что их материалы могли бы внести вклад в формирование у российской и зарубежной аудитории объективного, реалистичного представления о современном Иране, его внутренней и внешней политике.

Более подробно об условиях сотрудничества смотрите на сайте журнала www.siran.ru. Ждем Ваших авторских статей по адресу info@siran.ru

Киасар, провинция Мазендеран

